
Когда им было
20
В. Панкратов
ЯКОВ
СВЕРДЛОВ

ПРОТОКОЛЪ № 34.

190[illegible] года [illegible] Мая дня, въ Н.-Новгородѣ [illegible] я, Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ [illegible]

[illegible]

на основаніи Положенія о Государственной Охранѣ, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 14 Августа 1881 года, допрашивалъ нижепоименованнаго въ качествѣ обвиняемаго, который показалъ:

1. Зовутъ меня (фамилія, имя, отчество. Замужнія упоминаютъ первоначальную свою фамилію): Свердловъ Яковъ Михайловичъ

2. Время и мѣсто рожденія 1884-го год мая 16-го день Н.-Новгород

3. Вѣроисповѣданія іудейского

4. Происхожденіе, народность, подданство и личное званіе мѣщанин г. Полоцка, еврей, российское, аптекарский ученик

5. Мѣсто постояннаго жительства и приписки живу с отцом

6. Занятія и средства къ жизни без занятий нахожусь, живу на средства отца

7. Семейное положеніе (имя, отчество жены или мужа, имена дѣтей, ихъ занятія и мѣсто жительства): холост

8) Родственныя связи (имя, отчество, фамилія родителей, братьевъ, сестеръ, мѣсто ихъ жительства, занятія): Михаил Израилевич Свердлов, имею трех братьев Зиновия 18 лет, Вениамина 15 лет, Льва 12 лет, живут у отца, кроме Зиновия, имею двух сестер Софию и Сарру. сестра София замужем за Авербахом уже 2 год в Саратове

Когда это было 20

В. Панкратов

ЯКОВ СВЕРДЛОВ

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

ББК 66.61(2)8
П16

Панкратов В. А.

П16 Яков Свердлов. — М.: Политиздат, 1989. — 159 с.: ил. — (Когда им было двадцать).

ISBN 5—250—00678—7

„Не днями, не временем исчислять жизнь, а интенсивностью переживаний, насыщенностью дел" — эти слова стали своеобразным кредо молодого Свердлова.

Повествуя о юношеских годах „товарища Андрея", правдист Виктор Панкратов раскрывает всю многогранность и нравственное богатство его личности, в которой сочетались революционная страстность борца и гуманность, железная воля и удивительная душевность.

Автор использует в книге богатый документальный материал, в частности малоизвестные письма, записи самого Я. М. Свердлова.

Рассчитана на массового читателя, и прежде всего на молодежь.

П $\frac{0902020000—295}{079(02)—89}$ КБ—3—93—89 ББК 66.61(2)8

ISBN 5—250—00678—7

Содержание

К читателю

Яков Михайлович Свердлов — талантливый организатор пролетарских масс, активный участник Великой Октябрьской социалистической революции, Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов.

О его судьбе — яркой, героической — написаны книги, созданы кинофильмы, поставлены спектакли.

А каковы внутренние побудительные причины, определившие характер и своеобразие его деятельности, как оценивал свои устремления, их реальное воплощение сам Яков Михайлович?

Активное отношение к жизни рано привело Свердлова в ряды рабочей партии России, позволило стать на пороге XX века „отчеканенным типом профессионального революционера" — так характеризовал его В. И. Ленин[1].

Свердлов жил исторической надеждой. Но не как мечтатель — созидательное начало было определяющим в его помыслах и практических делах. „Жизнь так многообразна, так интересна, глубока, что нет возможности исчерпать ее. При самой высшей интенсивности переживаний можно схватить лишь небольшую частицу. И надо

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 75.

стремиться к тому лишь, чтобы эта частица была возможно большей, интересной..." — считал юный Свердлов.

Наполнить жизнь высоким содержанием — вот цель, благородная задача. И тут важно дорожить каждым мгновением. Жизнь, утверждал Яков Михайлович, измеряется не количеством, не длительностью переживаний, а их интенсивностью. „Глубокие натуры в часы переживают годы".

Свердлов умел дорожить каждым мгновением собственного бытия. Жил емко, масштабно, любил людей и хотел увлечь своим личным примером многих.

В своей книге я старался показать Свердлова таким, каким он был в юности. К двадцати годам твердо наметил курс и шел им до конца своих дней. Не заботился о бессмертии, но обрел его, потому что жил вдохновенно, целеустремленно, осмысленно, отдавая себя борьбе за счастье миллионов трудящихся.

Я стремился к тому, чтобы эффект максимальной достоверности повествования был достигнут путем сочетания архивных и мемуарных источников с личными высказываниями Свердлова, отрывками из его писем, статей.

Приобщение

1

Протяжный хрипловатый гудок донесся с Волги. Так заявил о себе пароход, что первым появился на реке, которая смогла, наконец, освободиться от ледяного панциря: пришла весна 1899 года.

— Во-он о-но что! — по-нижегородски нажимая на „о", удивился бородатый дворник на одном из самых бойких отрезков Большой Покровки. — Похоже, началась навигация. Надо сделать в календаре пометку: день для города памятный. А это не иначе как „Муром" басит. Верно, Яков?

Вопрос обращен к коренастому смуглому гимназисту. Он хотел незаметно проскочить мимо дворника, да не удалось. Это сын гравера Свердлова — самый шустрый из шестерых детей, облазил все крыши в окрестностях. К дворнику у него давняя неприязнь. Вот и сегодня Яков к беседе явно не расположен — смотрит хмуро:

— И не „Муром" вовсе. Скорей всего, „Наследники". А дату запомнить следует. Но не потому, что открылась навигация. Есть и другая причина. Правда, грустная очень...

Дворник явно заинтригован.

— Ну-ка, погоди. Ты о чем?

— Ой, дядя, не могу. На занятия опаздываю.

Сверкнул карими глазами — и будто ветром сдуло.

В класс Яков прошел чинно, не спеша, и это сразу заметили однокашники. Кто-то даже сочувственно спросил: „Тебя, Яшка, случайно дома не выпороли?" Уж очень не похож был этот тихоня на обычного непоседу Свердлова. Вот и на подковырку ответил как-то чересчур сдержанно: „Нет, телесные наказания у нас в семье не приняты..."

Тут, вне всяких сомнений, была какая-то тайна. Разобраться бы... Но в класс вошел преподаватель, и все расспросы пришлось прекратить. Начался первый урок. Нудный, тягучий. После него о Свердлове как-то забыли. Переменка прошла мигом — в обычной кутерьме. Второй урок, третий. А на четвертом Якова за партой не оказалось. Когда он исчез, никто не заметил. Ловок! Выпорхнуть из стен гимназии в разгар занятий „сизяку", как всюду называли воспитанников этого учебного заведения за серовато-синий цвет форменной одежды, совсем не просто. Инспектор, надзиратели, сторож бдили за порядком неустанно. А Яков, пользуясь шумом большой перемены, растаял как сахар в воде: был — и нет.

Лавируя между прохожими, он спешил на Большую Покровку. Вчера старший брат Зиновий рассказал отцу и матери о жутком случае. Погиб Герман Ливен, сын преподавателя немецкого языка Нижегородского кадетского корпуса. Он учился в Московском университете. Примыкал к студенческому революционному кружку. За это его дважды арестовывала поли-

ция. Пожалуй, больше для „острастки". За решеткой долго не держали. А вот третье заключение — в Бутырскую тюрьму — было длительным. Нервы узника камеры № 189 не выдержали. В состоянии отчаяния он решил расстаться с жизнью. Облив кровать керосином из лампы, привязал себя... и чиркнул спичкой. Огонь взметнулся под потолок. Смерть наступила через два дня в тюремной больнице.

По словам Зиновия, одни называли поступок Ливена героическим, другие порицали Германа, считая все случившееся проявлением крайнего малодушия. Но все сходились в одном: надо достойно почтить память погибшего, привезенного для погребения родственниками в Нижний Новгород.

Последний путь Германа Ливена лежал через Большую Покровку. Разве мог Яков остаться в стороне?

Показались здания Нижегородского окружного суда и Дворянского собрания. Отсюда только что тронулась траурная процессия. Впереди ее — множество венков, обвитых черными лентами. Гроб несли молодые люди. По внешнему виду — служивые: все в форменных шинелях. Но это не чиновники, а такие же, как Герман Ливен, студенты. Сосланы в Нижний Новгород из разных мест России — бунтари, крамольники, революционеры. Обычно они ходили по городу небольшими группами, а сегодня все будто слились воедино, никто не остался в стороне. За форменными шинелями — начало колонны. Она растянулась вдоль улицы на несколько кварталов и продолжала расти,

вбирая в себя подстраивавшихся к ее мерному шагу мужчин, женщин, подростков, стариков. „Сизяк" быстро сориентировался: занял место в одном из рядов колонны, оказавшись локоть к локтю с низкорослым мастеровым. Среди многочисленных зевак, стоявших на тротуаре, заметил бородатое лицо дворника, но тут же потерял его из виду.

Где-то впереди, рядом с венками звонкий голос запел:

— Вы жертвою пали в борьбе роковой...

Песню подхватили. Оказалось, что среди участников траурного шествия было немало людей, знавших ее слова. Находившиеся поблизости полицейские всполошились. Да где там! Поиски зачинщика ни к чему не привели. Он затерялся как иголка в стоге сена. А колонна уже подходила к Петропавловскому кладбищу. Яков пробрался вперед. Пригляделся к лентам на венках: „Безвременно погибшему товарищу Герману Ливен — от студентов-нижегородцев", „Товарищу-страдальцу от студентов. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить (Матфей, X, 28)". Таким же эзоповым языком говорили и выступавшие на траурном митинге у могилы. Полицейские не могли придраться к словам и только постными физиономиями выражали неудовольствие по поводу происходящего.

Ничто не укрылось от внимательных глаз Якова. Похороны врезались в память на всю жизнь. По сути, это была настоящая политическая демонстрация, и он принимал в ней участие вместе с другими как человек самостоятельный, взрослый. Вы-

ходит, тоже протестовал против условий, жертвой которых стал Герман Ливен? Дух захватывало от одной этой мысли.

А на следующий день пришлось объясняться с классным наставником. „Почему, сударь, вы оставили вчера занятия самовольно?" — „Ходил на Волгу: началась навигация..." — „Ну и отвечайте теперь за это!"

В журнале „О манкировках и проступках учащихся", который воспитанники гимназии называли попросту кондуитом, появилась запись: „8 апреля 1899 года Свердлова не было на 4-м уроке". Рядом — пометка: „9 апреля оставлен (после занятий. — *В. П.*) на 2 часа".

А ведь санкция могла бы стать иной, окажись автор записи в кондуите более осведомленным. Поступок „тянул" на исключение из гимназии...

В жизни Свердлова это был четырнадцатый апрель.

2

...4 июня (23 мая по старому стилю) 1885 года над Нижним Новгородом разразилась гроза. Молнии сверкали в полнеба. Дождь лил как из ведра. Кое-где сильный ветер сорвал крыши домов.

В этот день в семье М. И. Свердлова родился сын Яков.

Михаил Израилевич Свердлов был гравером-печатником. Ему принадлежала крохотная мастерская на улице Большой Покровке. Он приобрел ее сразу же, как только вместе с женой Елизаветой Соломоновной перебрался на жительство из Саратова в Нижний Новгород. Над входом

укрепил вывеску: „Фирма существует с 1881 года". Звучало солидно, многозначительно — так и было задумано, чтоб привлекать заказчиков. О владельце было известно, что он мещанин города Полоцка. С Белоруссией связана и его фамилия. Именно там говорят „свердло", а не „сверло". Соседи быстро определили: достаток мизерный, „фирма" стала жилищем для всей семьи, которое очевидец описывал так: „Когда вы входили в него с улицы, то слева, справа и глубже внутрь этого узенького помещения видели самую неудобную, какую только можно представить, мастерскую кустаря. Тут стучали молоточки, скрипели подпилки, там шла пайка, чистка, воздух густо насыщен пылью меди, парами кислот. А в самой глубине этого каменного мешка копошились малыши..."

Яков был третьим ребенком. Старшие — Софья, Зиновий. Потом появились Вениамин, Сарра, Лев. Про Якова говорили: „Средний". Восьми лет стал посещать трехгодичную начальную школу. Занимался прилежно. Считался одним из первых учеников и подтвердил это успешной сдачей экзаменов по русскому языку и арифметике при поступлении в Нижегородскую мужскую губернскую гимназию. К этому времени материальное положение семьи достаточно окрепло. Михаил Израилевич снял квартиру тут же во дворе, во флигеле, принадлежавшем Губину, а в мастерской устроил маленькую типографию с тремя кассами набора, двумя печатными машинами, рассчитанными на небольшие рекламные листки и визитные

карточки. Хозяину потребовались помощники — он взял четырех рабочих. Спины гнули вместе с хозяином все одинаково, но хозяину приходилось еще и заботиться о том, чтобы добывать заказы. Когда в 1896 году неподалеку от слияния Оки и Волги открылась Всероссийская промышленная и художественная выставка, Свердлов снял по арендному договору в Бразильском пассаже киоск — он стал своеобразным филиалом граверной мастерской. Здесь на выставке Михаил Израилевич познакомился с корреспондентом газет „Нижегородский листок" и „Одесские новости" Алексеем Максимовичем Пешковым и изготовил для него серию визитных карточек. Так возникла дружба с писателем, который стал частенько заглядывать в мастерскую — на чаек. Яков пристально приглядывался к этому человеку в черной косоворотке и широкополой шляпе, носившему с собой массивную, увесистую трость. Да и гость его всегда замечал. Как-то спросил:

— Хорошо ли знаешь, юный нижегородец, свой город?

— Ну конечно.

— А где висит надпись: „Водки не пить. Песен не петь. Вести себя тихо"?

— На ночлежном доме господина Н. А. Бугрова — миллионера...

— Вот именно: „Н. А.". То есть — „на"... Вроде бы как нищим кукиш показывает. А их все больше и больше становится. Крушит людские судьбы промышленный кризис. Хуже всех приходится рабочим: на квасе да хлебе порой сидят. А толстосумы еще и глумятся над ними.

Согласен с писателем отец Якова. Нелегко ему живется. Того и гляди, проглотят мастерскую со всем ее содержимым. Всюду тресты да синдикаты создаются. Малейшая неосмотрительность — и по миру пойдешь: мало ли таких примеров? Отец боялся кризиса, называл его „чумой". Болезнь эта потрясла Нижний Новгород основательно. Выгодное географическое положение города, обилие рабочих рук способствовали развитию фабрично-заводской промышленности. На предприятиях с числом работающих свыше пятисот человек было занято более половины мастеровых. И вдруг эта „чума". Всюду начались массовые увольнения...

Яков пристрастился к чтению „Нижегородского листка". Ему льстило, что он лично знаком с одним из ведущих авторов газеты. Однажды захватил с собой свежий номер в гимназию. Во время большой перемены попросил одноклассников остаться на местах — пообещал „сюрприз". Достал из ранца пахнущий типографской краской номер газеты, изрядно ошеломив „сизяков"; большинство из них считало, что газеты — это удел взрослых, прежде всего отцов. Некоторые даже рты раскрыли от удивления, когда услышали:

— Вот любопытная заметка. Хотите, познакомлю?

В дверях класса был выставлен „караул". Яков раскрыл „Нижегородский листок":

— „Отголоски кризиса"...

Времени в запасе было мало, читать пришлось скороговоркой:

„Начавшийся осенью прошлого года

промышленный кризис, как известно, коснулся и Нижнего. Осенью усиленно сокращали штат рабочих на Сормовских заводах и на заводе Доброва и Набгольц, сокращение это продолжалось до доброй половины зимы (газета вышла 16 февраля 1900 года.— *В. П.*). Рассчитывали рабочих и на заводе Курбатова. К заводскому кризису присоединился ряд крахов в пароходном мире, благодаря которым остались без работы целые группы судовых рабочих, как, например, масленщики, кочегары, слесари и т. п. И рабочий люд вполне основательно и справедливо назвал нынешнюю зиму „тяжелой". Без средств и без помощи..." В заметке дальше говорилось о том, как обездоленные люди мыкают нужду, терпят унижения, чтобы прокормиться, добыть средства к жизни. Собираются обычно у гостиниц Обжорина и Готовкина, на Нижнем Базаре, где стихийно возникали „биржи труда".

— Вот и все! — закончил Свердлов. — Сейчас, когда мы с вами зубрежкой занимаемся, кто-то с голода умирает...

Он свернул „Нижегородский листок", сел за парту и замолчал, ни на кого не глядя.

— А мне отец объяснял, что все бедные — лентяи, — поделился мыслями вслух розовощекий крепыш Миловидов. — И жалеть их совершенно ни к чему... Я-то думал, что Яков и впрямь какой-то сюрприз приготовил. Выходит, зря только переменку пропустил!

Класс загудел, словно потревоженный улей. Разгорелся спор, в который оказался втянутым даже „караул".

— Что за шум? — раздался голос преподавателя. — Почему не готовы к уроку? А ну-ка, тихо...

3

На берегу Волги собралась группа гимназистов. Все возбуждены, о чем-то спорят. Проходивший мимо полицейский равнодушно отвернулся: что тут интересного? Может, обсуждают достоинства плывущих по реке пароходов? А может, готовятся к очередной стычке с воспитанниками дворянского института, кадетского корпуса, с которыми „сизяки" в вечной вражде? Откуда было знать служителю порядка, что здесь в полном сборе нелегальный кружок самообразования, действующий в Нижегородской мужской губернской гимназии. Создал его Яков Свердлов. Он же разработал программу занятий. Первым, кому он ее показал, был Владимир Лубоцкий. Да и как иначе — самый близкий из друзей... Широкоплечий, немного флегматичный, Владимир старше подвижного, неутомимо-энергичного Якова на два года. В гимназии они посещали разные классы — только это их разъединяло. Все остальное сплачивало, рождало взаимное влечение. Еще недавно вместе зачитывались книгами Жюля Верна, Вальтера Скотта, А. Конан Дойла, Д. Фенимора Купера, играли в бабки, любили лапту. А теперь их теплые дружеские отношения скреплены дополнительно — печатью тайны.

Кому еще можно довериться в полной мере? Никаких сомнений не вызывали,

например, братья-гимназисты Николай и Василий Покровские — обаятельные, никогда не унывающие ребята, критического склада ума, завзятые книгочеи, имеющие дома прекрасную библиотеку. Учитывалось и другое: старший брат Покровских — Александр совсем недавно занимался в Московском университете, но был отчислен из него за революционную деятельность. Яков решительно поручился перед Владимиром и за своего одноклассника Мстислава Данилова. Внешне он тихоня, характер мягкий, из дворянской семьи, а в душе — боец, печется об обездоленных и нищих, увлекается стихами Н. А. Некрасова, которого Свердлов считал своим любимым поэтом. С полным основанием зачислить в кружок следовало и Леопольда Израилевича — изучает историю политических учений, мужества и храбрости не занимать, умеет молчать, когда надо.

Регулярные занятия начались с конца 1898 года. Члены кружка усиленно штудировали произведения Герцена, Чернышевского, Белинского, Добролюбова, Писарева, не предусмотренные гимназической программой. Передавали друг другу „Овод" Войнич, „Спартак" Джованьоли, „На рассвете" Ежа, „Один в поле не воин" Шпильгагена, „Червонный хутор" Дмитриевой. Много споров было связано с „Историческими письмами" Лаврова-Миртова, брошюрой „Царь-Голод" Баха, статьями Михайловского, разработками Железнова по проблемам политической экономии.

Именно в это время Яков смог прочитать роман С. Степняка-Кравчинского

„Андрей Кожухов". Нельзя сказать, что главный герой понравился ему безоговорочно, отталкивала его склонность к нигилизму. Но как было не восхититься преданностью Андрея Кожухова революционному долгу, его позицией, выраженной словами: „Вся наша нравственная сила заключается в том, что мы социалисты. Отбросьте социализм, и наша сила пропадет"? И еще. Андрей Кожухов постоянно общался с рабочими, высоко ценил пропагандистскую деятельность. Якова это особенно привлекало. Он и сам бы не прочь почаще бывать на заводах, фабриках, завести знакомства в пролетарских районах Нижнего Новгорода — Канавине, Сормове. Но пока это мечта явно несбыточная...

Андрей Кожухов стал для Якова любимым героем. Друзья знали об этом и стали в шутку называть Свердлова Андреем. Второе имя прижилось, в дальнейшем стало псевдонимом, который Свердлов пронес через всю жизнь.

Что же собрало сегодня вместе членов кружка? Да вот эта история с чтением газетной публикации. Большинство считало, что на такой риск идти не следовало. Особенно горячился Мстислав Данилов — одноклассник Якова:

— У меня коленки тряслись, когда слушал тебя. Вдруг кто-нибудь проболтается? Ведь несдобровать же...

— А ты не дрейфь! — возражал Яков. — Я же не прокламацию принес в гимназию, а легально издаваемую газету. Что в этом страшного? Хватит нам одной лишь книж-

ной кашицей питаться. Надо попробовать силы еще и в практических делах. Есть одна идея...

Яков огляделся по сторонам:

— Можно наладить выпуск своего гимназического нелегального рукописного журнала. Пусть он станет рупором нашего кружка. Направление? Разумеется, критически-разоблачительное. Давайте заявим о себе так, чтобы услышали все. Согласны?

Предложением заинтересовались. Не теряя даром времени, тут же прикинули, какие материалы могли бы войти в первый номер. Николай и Василий Покровские взялись за подготовку статьи про казенный уклад гимназической жизни. Мстислав Данилов был за то, чтобы резко высмеять тупого, крайне ограниченного преподавателя древней истории.

— А я на него карикатуру нарисую, — решил Владимир Лубоцкий.

Через две недели журнал был готов. Отпечатали его в пяти экземплярах на гектографе и тут же пустили по рукам.

Про журнал заговорила вся гимназия. Поражала невиданная смелость безымянных издателей.

— Не в бровь, а в глаз!

Это была лучшая оценка. Особенно понравились карикатуры. Владимир Лубоцкий сиял от счастья. Яков от души радовался за друга.

Вскоре кружок расширился за счет молодежи из реального училища. Вошли в него братья Глеб и Георгий Бехли, Михаил Бударин — ребята кристальной чистоты, с широким кругозором. Они тоже подключились к выпуску нелегального жур-

нала. Содержание его стало шире, разнообразнее. Освещали события, происходившие не только в учебных заведениях Нижнего Новгорода, но и в других городах России. Авторский коллектив действовал конспиративно, и полиция сбилась с ног в поиске. Особое рвение в качестве добровольного сыщика проявляла жена жандармского офицера Познанского — одна из активисток благотворительного общества, опекавшего учащуюся молодежь.

— Дамочка решила затмить Шерлока Холмса, — сообщали Якову. — Ищет осведомителей среди реалистов. Читавших журнал пытается поймать на слове...

— Ну и как?

— Пока безуспешно. Болтливых журнал обходит стороной.

Домочадцы понятия не имели, чем занят Яков. Вроде бы такой же, как всегда... Но Елизавета Соломоновна материнским сердцем чувствовала: сын меняется. Стал сдержаннее, вдумчивее. Вон как внимательно прислушивается к разговорам, когда у Зиновия на вечеринках собирается молодежь. Ни одного слова не пропустит — все ему интересно. Правда, сам в споры не вступает, боится, как бы не одернули: дескать, мал еще... Но если слышит что-то созвучное своим мыслям, лицо так и сияет.

Как-то в очередной раз к Свердловым заглянул Алексей Максимович Пешков. Да не один: привел с собой незнакомого мужчину. Усы, бородка. Одет в студенческий китель. Строен, подтянут. Представился сам:

— Зовут меня Александр Васильевич, фамилия — Яровицкий.

— Он же еще и „Корнев", — добавил Алексей Максимович. — Печатается в „Нижегородском листке". Был студентом Московского университета. Да вот недоучился. Кое-что помешало...

„Кое-что" тут же дало себя знать. Через пять минут между новым гостем и Зиновием возник жаркий спор об отношении к либеральной буржуазии: высока ли степень ее прогрессивности? Яровицкий был настроен скептически, на поставленный вопрос отвечал однозначно: „Нет, нет и нет!" А Зиновий доказывал обратное, по существу повторяя услышанное вчера на лекции местного публициста А. А. Дробыш-Дробышевского — холеного, самодовольного чиновника. Яков тоже был на лекции, хотел понять, чем привлекает к себе молодежь этот глашатай идей реформизма, способных-де обеспечить переустройство общества на демократической основе. Для себя заключил одно: „Пустозвон!" Знал Яков и о другом идейном наставнике старшего брата. „Динамит" — такое прозвище было у садовника В. Е. Лазарева. Участник народнического движения восьмидесятых годов, он со временем стал ярым сторонником эсеров. Единственно правильным и допустимым средством борьбы с царским самодержавием считал индивидуальный террор. Вот и получалось, что при таких учителях в голове Зиновия была бестолковщина и путаница. Не имея четкой политической ориентации, он любил звонкие фразы и софизмы, которыми легко жонглировали лжереволюционеры. Мог поговорить о Марксе, о теории прибавочной стоимости, о наем-

ном труде и капитале, но классовой сущности революционного учения не понимал.

Яровицкий легко победил Зиновия в споре. Обосновывая свой скептицизм по отношению к либеральной буржуазии, он несколько раз сослался на позицию, отстаиваемую социал-демократами, их лучшей частью, как он подчеркнул. Нетрудно было догадаться, что сам Александр принадлежал именно к ней.

Яков растерялся, когда Яровицкий вдруг спросил его:

— Ну а что думает гимназист? Согласен ли со старшим братом?

Ответ прозвучал неожиданно для всех:

— Я считаю, что будущее принадлежит рабочим. Именно они должны принести свободу России.

Зиновий изумленно хмыкнул. Отец и мать заулыбались. Яков вспыхнул, покраснел, но обидеться не успел. Алексей Максимович, потрепав его по плечу, просто сказал:

— Правильно говоришь.

Яровицкий тут же стал прощаться, сославшись на неотложные дела. Алексей Максимович остался еще посидеть в гостеприимном доме, попить чаю с пирогами Елизаветы Соломоновны. Отец сказал:

— Яков, иди-ка проводи гостя.

Повторять это дважды было не надо. Яков и сам бы предложил свои услуги. Он пропустил Яровицкого вперед, соблюдая этикет. Прошли через двор, вышли на улицу. И вдруг Александр сказал: „Так вот он каков — редактор рукописного журнала учащейся молодежи”. Если бы с чисто-

го, безоблачного неба вдруг грянул гром, Яков изумился бы меньше, чем от этих неожиданно прозвучавших слов.

— Не удивляйся моей осведомленности, — продолжал Александр. — И не таись! Дело начато стоящее. Давай вести его вместе. Я, собственно, и приходил затем, чтобы сделать тебе это предложение. Принимаешь?

Яков молча пожал протянутую ему руку. Признаться, такого поворота событий он не ожидал. Об одном Яровицкий попросил сразу же: держать заключенный договор в тайне, никому о нем не рассказывать. „Даже Владимиру Лубоцкому?" — хотел было спросить Яков, но не спросил. Ясно же: никому.

О чем следует писать в нелегальном журнале? Каких проблем стоит коснуться? Много полезного услышал он от Яровицкого в этот вечер. Яков практически получил подробный деловой инструктаж. Новые выпуски журнала стали содержательнее, политически острее. Вскоре ими заинтересовались в Нижегородском губернском жандармском управлении. Но издатели оставались неуловимыми...

4

Летом 1900 года на семью Свердловых обрушилось страшное горе — умерла Елизавета Соломоновна. Сам не свой ходил Михаил Израилевич по дому, тяжело переживая утрату. Дети тоже были в трауре. Лицо Якова почернело, осунулось. О будущем он старался не думать, но было ясно: жизнь теперь изменится. Навер-

ное, так, как у Владимира Лубоцкого. Несколько месяцев назад Владимир ушел из гимназии на работу в аптеку, пока учеником...

„Буду и я готовить себя в фармацевты", — решил Яков. Спустя несколько дней после смерти матери он сообщил о своем намерении отцу. Попросил его сходить в гимназию для выполнения необходимых формальностей. 12 августа 1900 года состоялось заседание педагогического совета. Среди рассмотренных на нем вопросов был и тот, который касался судьбы ученика пятого класса Якова Свердлова. Решение гласило: „уволить по прошению" (родителя. — *В. П.*). „Работу можно найти в Канавине", — подсказал А. В. Яровицкий. На улице Шоссейной там есть аптека В. И. Зака. „Я о тебе уже говорил владельцу. Он человек чуткий". Где жить? Помог Евгений Климек, с которым вместе учились в гимназии, сидели за одной партой. „Поселишься у нас. С отцом и матерью я это улажу. А тебе будет удобно. Живем в самом центре Канавина".

Белый халат пришелся к лицу новому сотруднику аптеки. Обязанности несложные. Яков мыл мензурки, чистил инструменты, считал пилюли, завертывал в бумажки целительные порошки. Приставили его к помощнику провизора Иосифу Ивановичу Мияковскому. Ладный, красивый мужчина с тщательно подстриженными усами, всегда со вкусом, элегантно одетый, он производил впечатление человека чрезвычайно строгого, но был добр, внимателен к людям. Якову он однажды посоветовал: „Почему бы тебе не по-

пытаться снова учиться? Экзамены за курс гимназии можно сдать экстерном...”

Эта идея юному фармацевту понравилась. Он добыл нужные учебники, стал усиленно штудировать их. Долгими вечерами просиживал в комнатушке, которую снимал у Климеков, при свете керосиновой лампы. Читал запоем. И не только в счет будущей сдачи экзаменов, но и сверх того. Влекла художественная литература. Все, что понравилось, приносил в аптеку, устраивал громкие читки. В один из дней раскрыл пухлый том произведений норвежского драматурга и поэта Генрика Ибсена.

Автор модный, получивший широкую известность в России именно на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Почитателям творчества Г. Ибсена нравилась его бескомпромиссность в разоблачении пороков буржуазного общества. Восстававшие против него герои отражали дух норвежского крестьянства, никогда не знавшего крепостного гнета. Таким был, в частности, Бранд — главное действующее лицо в одноименно драматической поэме. Образ его вызывал много споров у молодежи. Бранд увлечен достижением внутреннего совершенства, стоит за полную умственную свободу. Для осуществления своего идеала готов на любые жертвы. Не признает компромиссов, противник всякого приспособленчества. Эти черты многим нравились, действовали подкупающе. Но настораживало другое — ярко выраженный индивидуализм, откровенная эгоистичность, примитивное самолюбование. Впрочем, кто боготворил кумира, тот кри-

тику в его адрес исключал. Отсюда и столкновения точек зрения. Интересно, что скажут о Бранде в аптеке?

— А как ты сам воспринимаешь главного героя? Что думаешь о нем? — спросил И. И. Мияковский, когда Яков закончил чтение.

— Брандовский лозунг „все или ничего" мне не по вкусу. Считаю его беспочвенным, анархистским.

— Вот это верно. Лозунг звучит красиво, а смысл — фантазерский. Задачи перед собой надо ставить реальные.

Яков понимал, что А. В. Яровицкий не случайно направил его именно в эту аптеку. Видно, были среди ее сотрудников надежные люди. Один из них наверняка И. И. Мияковкий. Он не скрывал своих социал-демократических убеждений, откровенно симпатизировал рабочим. Говорил так: пока их сплачивают только капиталисты, концентрируя под крышами фабрик, заводов сотни и тысячи людей, но недалеко то время, когда, осознав свои классовые интересы, рабочие начнут объединяться сами. Промышленно-экономический кризис явно толкает их к этому. Он обострил многие противоречия царизма, с которыми нельзя больше мириться. Разве не ясно, почему рабочие завода Доброва и Набгольц, льнопрядильной фабрики, приходя в аптеку, спрашивают обычно лекарства от простуды? Никакой вентиляции в цехах нет, проветриваются они сквозняками, вот и болеют люди. А связанным с Бурнаковскими лесопильными предприятиями всегда нужен йод. Ясно, о технике безопасности владельцы не забо-

тятся — это же лишние затраты. Травмы одни и те же: порезы рук... Помощник провизора давал Якову уроки наблюдательности, учил делать выводы из будничных, на первый взгляд неприметных явлений.

Спустя пять лет Свердлов напишет в статье „Что такое рабочая партия?", опубликованной в 1906 году петербургским товариществом „Знание" отдельной брошюрой: „В то время как... *классовое сознание* распространяется среди все большего числа пролетариев, наиболее просвещенные и наиболее сознательные из них все больше понимают, что окончательно освободить рабочий класс из капиталистической неволи можно, только *разрушивши весь капиталистический порядок и водворивши на его место социалистический*". А вот дальнейшее развитие мысли: „Это... будет возможно только тогда, когда среди рабочих будет много таких сознательных людей, которые хотят водворения *социализма, социалистического порядка.* Такие сознательные люди — социал-демократы — везде, по всему свету объединяются в каждой стране в особый союз — *социал-демократическую рабочую партию*"[1].

Возможно, что, когда писались эти строки, автор вспомнил и об одном из своих первых наставников — Иосифе Ивановиче Мияковском. Он ведь постоянно подчеркивал: надо многое сделать, чтобы пролетарии осознали свою силу, превратились

---

[1] *Свердлов Я. М.* Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С. 10.

в класс-гегемон. Яков не хотел стоять в стороне от этого. При посредничестве помощника провизора он познакомился с доктором Н. А. Грациановым, учредителем Общества распространения начального образования, где действовала секция гигиены воспитания. Свердлов, живя в Канавине, начал тесно сотрудничать с ней. Это давало ему возможность под благовидным предлогом посещать дома рабочих, заводить знакомства, которых так не хватало.

В канун нового, 1901 года Максим Горький решил устроить для детей бедняков Нижнего Новгорода елку. Был организован сбор денег, одежды, книг, приобретались игрушки, сладости, которые предстояло раздать участникам необычного праздничного карнавала. Сколько их будет? Чтобы узнать это, пришлось как следует посчитать, а для этого обойти сотни домов в разных районах города. Писатель поручил ответственное дело одному из ссыльных студентов — В. А. Десницкому. Человек широкого кругозора, обладавший знаниями философа, он относился к числу убежденных социал-демократов. Яков, которому было поручено помогать Десницкому, взял на себя Канавино — тот участок рабочей слободы, который обыватели иронически называли „Миллионкой" — здесь селилась беднота.

— Хотел бы расширить свои связи. Дорожу ими, накапливаю... — обронил Яков как бы между прочим.

В. А. Десницкий сразу же предостерег:

— Ну, возможности не слишком-то велики. Ты ими не обольщайся. Чтобы по-

том не было излишних разочарований...

Спустя годы В. А. Десницкий рассказал об этом в своих воспоминаниях, как бы комментируя замысел Свердлова:

,,По части ,,расширения связей" обход не дал нам решительно никаких результатов. Этого и нужно было ожидать. Заставали мы дома по преимуществу матерей, да им и ближе всего были детские радости. Отцы во время нашего утреннего и дневного обхода были обычно на работе. Завести какой-нибудь серьезный разговор, дававший те или иные возможности посещения, было очень трудно. А работу нужно было выполнять спешно. Да и встречали в рабочих семьях записывающих на елку с некоторым недоверием и прохладцей; ведь обходчики спрашивали: сколько зарабатываете? сколько детей? учатся ли в школе? и т. п. И не все, конечно, были одинаково тактичны в выполнении далеко не обязательной расспросной программы. Особенно рабочие-отцы, если удавалось застать их дома в праздничные дни, в начале беседы не проявляли никакого восторга, подозревая, очевидно, в шумном и необычном предприятии какую-нибудь барскую затею. И только такт обходчиков, ссылка на Горького как на инициатора спасали положение".

Вместе с тем В. А. Десницкий признавал: ,,Положительное для нас, молодых социал-демократов, в этом обходе было то, что мы, пользуясь своего рода ,,легальной возможностью", посетили большое количество рабочих квартир, ближе познакомились с домашней обстановкой жизни семейных рабочих".

Елка удалась на славу. Усилия организаторов не пропали даром. Дети были довольны. Через год все повторилось. И снова Яков действовал вместе с В. А. Десницким. Только теперь уже как активный участник подпольной социал-демократической организации. Живя в Канавине, он не терял связей с учащейся молодежью. По-прежнему оставался редактором нелегального рукописного журнала, который издавался для нее. Часто посещал Всесословный и Коммерческий клубы Нижнего Новгорода, где регулярно проводились лекции на научные, литературные темы, различные благотворительные вечера. Социал-демократы умело к этому приспосабливались, практикуя одновременно свои ,,мероприятия". Их связывали обычно с платными лекциями (входной билет — 5 копеек). Тема могла быть какой угодно. И не беда, что к началу обязательно являлся полицейский чиновник. Отсиживал он не более десяти — пятнадцати минут. Убедившись, что крамолы нет, уходил. Дверь зала запиралась. И лектор начинал рассказывать о работах Карла Маркса, Фридриха Энгельса. Многие из них Свердлов уже знал, сам читал. Но, как говорится, повторение — мать учения. Да и точку зрения лектора было интересно узнать: так выверялось и уточнялось собственное мнение.

В начале 1901 года Яков вынужден был уйти из канавинской аптеки. Произошло это из-за смены владельцев. Новый хозяин удлинил рабочий день, понизил зарплату. Свердлов назвал его кровососом. И сразу же был рассчитан, да еще с оговоркой: ,,Считай, что легко отделался!.." На лето

пришлось уехать к знакомым в Чистополь. Там тоже работал в аптеке. Но не долго. Скучал по Нижнему Новгороду. Когда вернулся, подрабатывал всюду: правил корректуру в типографии, переписывал роли в театре, занимался чертежной работой. О себе заботился мало, поясняя друзьям: „Я ведь из той категории человеков (любил это слово. — *В. П.*), кот[орые] всегда говорят: хорошо, а могло бы быть хуже. Но так как абсолютного вообще не существует — я ведь диалектик, а значит, релятивист, — то подобное положение утешает при всяких обстоятельствах".

С А. В. Яровицким встречался редко. Так было условлено с первых дней их взаимного сотрудничества. Если требовалось, тот всегда объявлялся сам. Однажды при встрече вручил конверт — обычный, почтовый. Внутри него лежала изданная на тонкой, почти папиросной бумаге газета, о которой Свердлов слышал много, а в руках не держал ни разу — „Искра" № 1. Сразу же бросилось в глаза заявление редакции, где особенно взволновали слова: „...мы, русские социал-демократы, должны сплотиться и направить все усилия на образование крепкой партии, борющейся под единым знаменем революционной социал-демократии". Что верно, то верно. Но как это произойдет практически? Когда? Кто подаст пример? Вопросы возникали один за другим. Гася внутреннее возбуждение, Яков непрестанно курил. Привычка пришла незаметно, а вцепилась крепко. Дома за это частенько поругивали. Приходилось отшучиваться: зато, мол, никогда хмель-

ного в рот не возьму. И точно. Всю жизнь Свердлов был ,,ярым, последовательным трезвенником" (слова самого Свердлова. — *В. П.*).

Газету вернул А. В. Яровицкому с чувством глубокого сожаления. Хотелось бы оставить ее у себя. И сам же себя корил за это: „Стыдно, братец! Социал-демократу нельзя быть собственником. Да еще по отношению к ,,Искре". Она ведь и другим нужна..." Ну а большинство материалов первого номера выучил чуть ли не наизусть. На память жаловаться грех. Все, что надо, схватывает крепко, без лишних усилий. И главное — надолго...

Дома произошло важное событие: отец женился. К этому времени старшая сестра Софья тоже завела свою семью, поселилась в Саратове. Зиновий перешел на полное попечение А. М. Горького. Позднее был крещен, стал носить фамилию Пешков. Все это потребовалось для поступления в художественное училище, куда евреев не брали. Яков был полностью самостоятелен, обходился собственными заработками, жил то на одной, то на другой квартире, к отцу приходил как гость. По его пути пошел и Вениамин. Новой хозяйке — Марии Александровне Кормильцевой — оставалось поладить лишь с самыми юными из Свердловых — Саррой и Львом. Женщина добрая, заботливая, ласковая, она быстро полюбилась им.

Яков и радовался этому, и немножко грустил. Что говорить, сложен мир человеческих чувств. Об этом особенно часто

думалось на могиле матери, которую он никогда не забывал. Только здесь и мог немножко похандрить...

Как-то шел Яков по улице. И вдруг навстречу А. В. Яровицкий: вырос словно из-под земли. Тихо сказал:

— Если можешь, сходи немедля во Всесословный клуб. Там ждут тебя. Кто? Новая заведующая библиотекой. Приехала недавно в Нижний Новгород к сестре — фельдшерице, которая замужем за служащим городской управы А. И. Пискуновым. Зовут Ольга Ивановна, фамилия — Чачина.

Через десять минут Яков стоял перед невысокого роста темноволосой женщиной, одетой в черную, с высоким воротником кофту. Женщина вышла к нему из книгохранилища. Назвал себя. И услышал:

— О, фамилия мне известная. Слышала о вас много. Ну, будем знакомы!..

1

Встреча с Ольгой Ивановной Чачиной произвела на Якова огромное впечатление. В тот день он допоздна бродил по улицам Нижнего Новгорода, вспоминая подробности состоявшегося разговора. Что поразило? Пожалуй, прежде всего атмосфера откровенности, в которой он протекал. Ольга Ивановна держалась так, будто они знакомы давным-давно. О себе она рассказала:

— Родилась в Нижегородской губернии. Про Сергач доводилось слышать? Ну так вот, я из него... Отец был земским служащим. Дал возможность поступить на Бестужевские высшие курсы. В Петербурге познакомилась с Владимиром Ильичем Ульяновым. Он привлек к „Союзу борьбы за освобождение рабочего класса". Попала под арест. Отбыв его, жила в Казани. Позднее была выслана в Уфу, где летом 1900 года снова встретилась с Ульяновым. Он поделился планами, связанными с созданием „Искры". Реализовать их удалось полностью. Я знаю, что газета нашла своих читателей. Прежде всего среди рабочих. Впрочем, и вы лично с ней знакомы. Нравится?

Ну что ж, откровенность за откровенность:

— „Нравится"? Нет, это не то слово. Лучше газеты я и не видел никогда...

— А много ли вы их знаете? Что еще читаете?..

Теперь говорил Яков, а Ольга Ивановна внимательно слушала его, пытливо вглядываясь в лицо собеседника. Яков рассказал и про кружок самообразования, который создавали вместе с Владимиром Лубоцким, и про запрещенные книги, что удалось держать в руках, и про жизнь в Канавине, где смог познакомиться с самыми разными рабочими...

— С самыми разными? Это как же понимать?

Свердлов пояснил, что не все пролетарии в равной мере развиты, сознательны. Одни явно выделяются готовностью отозваться на общественные события, тщательно оценивают их, а потому придерживаются вполне осознанной позиции. Другие ко всему равнодушны, ведут растительный образ жизни, бездуховны, отличаются низким уровнем культуры. Первых меньше, чем вторых. А должно быть наоборот. Как изменить пропорцию? Вопрос мучил давно. Захотелось высказаться по нему основательно. Сам не заметил, как произнес длинный монолог[1]:

---

[1] Разумеется, стенограмму беседы никто не вел. Воспроизвести ее дословно невозможно. Но известно, что Яков Михайлович и позднее, спустя многие годы, постоянно возвращался к проблемам, волновавшим его в юности. Это дает право на аналогию в использовании источников. Сохранился ряд писем Свердлова, в которых выражено его отношение к вопросам, затронутым при разговоре с О. И. Чачиной. Здесь цитируется одно из них (*Свердлов Я. М.* Избранные произведения. Т. 1. С. 308–309). Принцип аналогии использован и в дальнейшей части повествования. – *Прим. авт.*

— Люди плохи, лживы, лицемерны... Можно бы привести еще двести не менее звучных эпитетов. Но что могут дать эти эпитеты? Ничего хорошего. Ни грамма смысла нет в этом, когда говорится о людях вообще. О том или ином конкретном человеке все это можно сказать. По отношению же ко всем людям это бессмыслица, ибо не дает ничего для понимания жизни. Верно, что в жизни встречается много лжи, фальши... Важно отдать себе отчет в причинах подобных явлений.

Монолог был закончен так:

— Если можно и должно предъявлять большие требования к отдельному человеку, то нельзя того же делать по отношению к людям вообще, к человечеству.

Яков вопросительно посмотрел на Ольгу Ивановну: не утомил ли? Она поняла его и живо отозвалась:

— О том, что мы с вами единомышленники, я знала. Потому и захотелось повидаться. Но, честно говоря, не ожидала услышать от вас то, о чем постоянно думаю сама. У человека с такими наблюдениями путь один — в революционеры...

— А другого я для себя и не вижу.

— Выходит, у нас дорога общая!

Вот это-то и запомнилось больше всего Свердлову. Слова, сказанные Ольгой Ивановной на прощание, прозвучали многозначительно, обещающе... Интересно, что они значат? И почему она так подробно расспрашивала его о Софье, ее саратовском житье-бытье?

В сентябре 1901 года был создан Нижегородский комитет РСДРП. Секретарем его стала О. И. Чачина. Именно она изыски-

вала всюду, где только можно, запрещенную литературу, в которой нуждались нелегальные рабочие кружки Канавина, Сормова. Ценный груз получали обычно через Саратов. Имевшаяся транспортная связь постоянно вызывала тревогу, поскольку считалась ненадежной. Ольга Ивановна стремилась укрепить ее, искала безупречного посредника. На ком остановила выбор, сказать трудно: тайна конспирации так и осталась за семью печатями. Но именно осенью 1901 года Яков ездил к старшей сестре в Саратов. Поступил там в одну из аптек. Не для того ли, чтобы выполнить конкретное поручение Ольги Ивановны? Ведь именно с 1901 года Яков — член РСДРП.

7 ноября 1901 года из Нижнего Новгорода был выслан А. М. Горький. Проводы его на железнодорожном вокзале вылились в политическую демонстрацию. О случившемся Яков узнал, вернувшись из поездки в Саратов. Оказывается, несколько участников проводов писателя попали за тюремную решетку. Не избежал этой участи и старший брат Якова — Зиновий. Факт стал известен „Искре". Она сообщила о нем в номере за 20 декабря 1901 года. Так на страницах газеты впервые была упомянута фамилия „Свердлов". Яков с гордостью держал этот номер в руках, получив его от О. И. Чачиной, которая заметила:

— Вроде бы косвенно прославился?

— Да, действительно. Так получается. Только я к чужим заслугам примазываться не люблю, да и в известности не нуждаюсь...

2

— Что такое „Катехизис революционера"? Прошу объяснить...

Вопрос задал Петр Замятин — коренной сормович, вдумчивый, начитанный рабочий. Впервые Яков увидел его около месяца назад, когда по поручению О. И. Чачиной взял на себя обязанности пропагандиста в этом нелегальном кружке. На последнем занятии рассказал о „Земле и Воле" — революционной народнической организации, историю которой тщательно изучил еще гимназистом. Землевольцы разработали структуру боевой централизованной организации, сумели сплотить силы, которые действовали против царизма разрозненно. Сегодня он хотел поподробнее поговорить о значении опыта „Земли и Воли". И вот пришлось с ходу перестраиваться...

Документ, о котором зашла речь, Свердлов читал много раз и мог цитировать на память. Относился к нему скептически, но говорить этого сразу не стал. Дал возможность слушателям самим во всем разобраться. Привел из „Катехизиса" только несколько выдержек:

„... — революционер разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями нравственности этого мира;

— все нежные чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела;

— на революционеров 2 и 3 разрядов, т. е. на не совсем посвященных, должно смотреть как на часть общего революционного капитала, отданного в распоряжение революционера 1 разряда;

— наше дело — страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение. Соединимся с диким разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу — вот вся наша задача, конспирация, организация...”

Петр Замятин был поражен услышанным:

— Ерунда какая-то, а не „Катехизис”. Кто же его написал?

— Авторы — анархисты. То ли Бакунин, то ли Нечаев... Словом, рыцари плаща и кинжала. Их не раз разоблачала „Искра”. От таких революционеров трудовому народу пользы нет. Только вред... Помните, о чем я говорил на прежнем занятии?

Комментарий „Катехизиса” оказался весьма полезным для изучения очередной темы. Когда стали прощаться, Петр Замятин сказал: „Я вас провожу!” А повел к себе домой. За ужином рассказал все, что знал об акционерном обществе „Сормово”. Выпускает различные типы пароходов, речные буксиры, наливные баржи, морские шхуны. С 1898 года стали делать товарные паровозы, за пятнадцать лет до этого было освоено изготовление грузовых железнодорожных вагонов. Широко поставлено производство паровых котлов. Основная часть рабочих из окрестных деревень — Мышьяковки, Дарьина, Вари,

Копосова. Приезжих тоже, правда, немало...

Так закрепилось это знакомство. В институте истории партии Ленинградского обкома КПСС хранится автобиография П. В. Замятина, где отмечено: „Я был знаком с Яковом Свердловым по совместной работе в Сормове и Н. Новгороде, были близкие друзья...” Жаль, что подобных свидетельств сохранилось мало, гораздо меньше, чем могло бы быть. Поэтому каждое имеет особую цену. Даже скупые строки дают возможность о многом составить цельное представление.

Известно, например, что, бывая в Сормове, Свердлов часто наведывался в дом на углу улиц Китайской и Шоссейной. Здесь жил рабочий Дмитрий Павлов — член Нижегородского комитета РСДРП. Далеко не каждый из тех, кто считал себя интеллигентом, мог бы сравниться с ним по широте кругозора и начитанности. Именно такие люди, как подмечал Свердлов, пытались не просто жить, а жить интенсивно, эмоционально насыщенно, что отвечало и его собственному устремлению. Спустя годы Д. А. Павлов подчеркнет в одном из воспоминаний: „...он-то (Свердлов.—*В. П.*) меня хорошо знает с 19-летнего возраста...”

Как-то им довелось беседовать о том, какую роль должен играть просвещенный человек в современном обществе, чем может и обязан интересоваться, чтобы быть полезным людям. Свердлов так сформулировал свою точку зрения:

— Безусловно, именно общие вопросы человеческого бытия необходимо держать

в центре внимания интеллигентным людям, обладающим хотя бы некоторой чуткостью. Иное дело — решение этих вопросов. Видишь ли, когда два человека говорят о благотворительности, например, или о счастье, то это еще не значит, что они говорят об одном и том же. Не одинаковым может быть и их отношение к вопросу. Например, вопрос о том, как добиться того, чтобы искусство было доступно для всех, может решаться самым разным образом. Можно сделать искусство доступным по замыслу, идее, но от этого оно еще не станет доступным.

— Почему же? Объясни!

— Я так считаю: только тогда действительно массы смогут знакомиться с искусством, когда у них будет достаточный досуг и материальное положение значительно улучшится, когда они не будут подавлены нуждой и исключительными думами о куске хлеба. Значит ли это, что искусство пока бесполезно для улучшения человеческой жизни? Нет, совсем не значит. Художник, чуткий к жизненным явлениям, предчувствующий иную, яркую, светлую, радостную жизнь для всех, может сделать много. Среди преобразователей жизни художники могут занять почетное место.

В 1918 году из архивов Московской судебной палаты был извлечен дневник, принадлежавший, как было сказано на обложке тетради, молодому рабочему-революционеру из эпохи 1901—1903 годов. Написал его сапожник Ваня. Когда текст

показали Я. М. Свердлову, он по ряду деталей сразу же узнал автора, одобрительно отозвался о нем и добавил, что это его ученик, который стал верным большевиком. Речь шла об Иване Алексеевиче Чемборисове. Дневник был напечатан журналом „Беднота". Предполагается, что написан он именно этим человеком. По крайней мере, Яков Михайлович говорил о нем. И справедливость его слов наглядно иллюстрируется полицейским свидетельством: „Чемборисов Иван Алексеевич — очень развитый и способный социал-демократ, играет руководящую роль в кружках и имеет конспиративные отношения с лицами, стоящими в высших организациях революционной партии".

Можно назвать немало других рабочих, судьбы которых складывались под непосредственным воздействием пропагандиста Свердлова. Он шел в нелегальные кружки не только с тем, чтобы дать слушателям необходимую сумму политических знаний. Нет, стремился увлечь их еще и личным оптимизмом. Людям угрюмым, мрачно смотревшим на окружающую действительность, постоянно внушал, что в жизни много отрадных явлений, пройти мимо которых можно лишь при нежелании их замечать. Важно вырабатывать в себе такое миросозерцание, которое давало бы бодрость при самых тяжелых условиях. Только сильные духом могут победить царизм. И число их должно расти постоянно, изо дня в день...

Именно это запомнил рабочий И. И. Абоимов, посещавший один из нелегальных кружков Канавина, в котором тоже

вел занятия Свердлов. Яков выгодно отличался от других пропагандистов своей способностью к широким обобщениям, умением отстаивать собственные суждения. Поэтому ему хотелось подражать. В 1904 году И. И. Абоимов сам стал пропагандистом, обосновавшись в одном из уездных центров Нижегородской губернии — Городце. С мая 1905 года возглавил комитет РСДРП Городецкой социал-демократической организации. Понятно, что он многим был обязан той школе, которую прошел в Нижнем Новгороде и к которой имел непосредственное отношение Свердлов.

Вот, скажем, любовь к художественной литературе. Яков прививал ее всем, с кем был связан. Без этого не мыслил возможность революционной пропаганды. Из числа современных писателей чаще всего вспоминал М. Горького. С восторгом принял „Буревестника". Сразу же выучил наизусть это поэтическое произведение, часто цитировал его.

Как-то О. И. Чачина спросила Якова:

— Я слышала, что друзья называют вас еще и Андреем. Верно?

— Да.

— А ведь может быть и такой вариант: „Андрей-буревестник". О вас хорошо отзываются в рабочих поселках. Не слишком ли только много пропадаете в них?

Яков объяснил, что это совершенно необходимо. Нередко, когда занятие в нелегальном кружке затягивалось, приходилось ночевать то в одной рабочей семье, то в другой. Сколько это дало разных впечатлений, ценных наблюдений. Понятно,

что в дальнейшем они тщательно осмыслялись, анализировались. Так родилось характерное обобщение: „Среди пролетариев и пролетарок, собравшихся после трудовых дней для совместного времяпрепровождения, можно увидеть и живой интерес к общественным вопросам, к литературе, там можно увидеть и здоровую, бодрую радость верящих в себя и свое дело людей. Хорошо среди пролетариев".

3

Владимир Лубоцкий давно не видел Якова. А встретив, не узнал: Яков был в пенсне.

— Это что — для конспирации? — поинтересовался Лубоцкий.

— Нет, Володя! Сие украшение — горькая необходимость. Признан врачами близоруким...

Они по-прежнему уделяли много внимания рукописному журналу для учащейся молодежи — Лубоцкий как художник-карикатурист, Свердлов в роли редактора. Нужные материалы подбирались тщательно, скрупулезно. Примечательны воспоминания М. Галонена: „Осенью 1901 года ко мне, высланному (из Москвы. — *В. П.*) студенту, пришел смуглый юноша невысокого роста в гимназической шинели и фуражке, но без герба. Вкратце познакомив со своим изданием гектографированного гимназического нелегального журнала, он попросил дать для него мои университетские впечатления о студенческих „беспорядках". Я написал..."

Неожиданным „визитером" был Яков.

Разумеется, предварительно он навел о М. Галонене необходимые справки. Благо было у кого. Свердлова хорошо знали многие из ссыльных студентов, в том числе Сергей Моисеев, братья Борис и Владимир Морковины, Владимир Затинщиков, Алексей Сысин, Стефан Корсак. Яков стремился и их поближе познакомить с рабочими. Но это не получалось. Ссыльные студенты предпочитали жить на особицу. И не всегда понимали Якова, который втолковывал им: „Теперь лишь слепые могут не видеть или же те, кто умышленно не хочет видеть, как вырастает сила, которой предстоит играть главную роль в последнем действии трагедии. И так много прекрасного в росте этой силы, так много бодрости придает этот рост, что право же хорошо жить на свете". Это были рассуждения вполне сложившегося революционера — со своими убеждениями и практическими установками, которые формировались благодаря контактам с пролетариями Канавина и Сормова.

Бунтари из академических аудиторий такой подготовки не имели. Поэтому полагались лишь на собственные силы. Создали, например, Нижегородскую социал-демократическую организацию. В нее вошло большинство ссыльных студентов. Занимались преимущественно печатной пропагандой, выпускали „Летучие листки" — обязательно с номером, отражавшим очередность издания. Способ печати — гектографический. Яков владел им в совершенстве. Имел и надежных помощников. Среди них была Вера Савина. Она работала в психиатрической больнице.

Круглолицая хохотушка меньше всего была похожа на мужественного и храброго конспиратора. А выступала именно в этой роли, деля ее с двоюродной сестрой Марией Щепетильниковой. Девушки сотрудничали с Яковом. В своих воспоминаниях В. В. Савина рассказывает: „Иногда он давал нам с сестрой срочную работу на ночь, и мы, прикрыв подушками щель в двери, чтобы родные не видели света, работали до утра". Привлекались к этому и учащиеся механико-технического училища Николай Растопчин, Иван Калиновский. В расклейке, разбрасывании „синих листков", как называли гектографированные издания рабочие, ловок был брат Якова — Вениамин. „Андрей-буревестник" внушал каждому, с кем делил нелегальные хлопоты, что строгое распределение обязанностей — объективная необходимость. Обосновывал это так:

— Человек, пришедший к сознанию негодности современного уклада жизни, может выбрать различное поприще деятельности. Один принимает непосредственное участие в ломке старого здания, другой заготовляет элементы для новой постройки, третий строит план лучшего здания, четвертый будит недовольство старым и т. д. и т. п.

У рабочих „синие листки" вызывали неизменный интерес. Свердлов учил ссыльных студентов приемам гектографирования, а иногда и сам выполнял обязанности „печатника". Любой текст читал глазами рабочих. Высоко оценил, например, „Летучий листок" под номером двадцать шесть — он разоблачал меры, предприня-

тые губернатором Унтербергером для борьбы с крамолой: конец 1901 года ознаменовался повсеместным введением „усиленной охраны". Прокламация отмечала: „Вот уже 4-й месяц не прекращаются аресты и обыски, целые толпы полиции ночью, смущаясь делать свое темное дело днем, вторгаются в дома нижегородцев, перерывают все вверх дном, пугают детей и женщин, ломают даже двери при малейшем замедлении..."

Как-то О. И. Чачина прислала Якову записку: „Жду у себя в библиотеке". Он явился сразу же. Ольга Ивановна была одна:

— Получила восемнадцатый номер „Искры". Посмотри!..

Яков сразу же увидел сообщение из Нижнего Новгорода. В нем говорилось, что „Летучие листки" выходят здесь чуть ли не ежедневно. Делает это дружественная комитету РСДРП социал-демократическая организация. Свердлов довольно улыбнулся. „Искра" отмечала то, к чему он имел непосредственное отношение.

А зоркое око сыщиков уже наблюдало за „Андреем-буревестником". Правда, кличку ему они дали свою: „Малыш". Уж очень не вязался внешний облик юноши с образом революционера. Но факты — вещь упрямая. Они свидетельствовали о том, что Яков Свердлов — личность явно „неблагонадежная": постоянно общается с рабочими Канавина, Сормова, связан с выпуском „Летучих листков". Сведения достоверные: добыты „негласным" путем,

с помощью провокаторов, которые смогли пробраться в подполье.

Как перепроверить данные агентов? За решение этой задачи взялся лично полицмейстер Таубе. 22 апреля он вызвал к себе Якова Свердлова на беседу. Вроде бы лишь за тем, чтобы узнать, на какие средства живет, чем занимается, что думает о своем будущем. А вдруг проговорится, скажет что-нибудь лишнее?.. И тогда... Но расчет не оправдался. „Малыш" держался независимо, с достоинством. Твердил лишь о том, что мечтает стать фармацевтом. К этому и готовится, используя все свободное время. Средства на жизнь получает от отца. Полицмейстер беседой остался неудовлетворен. Ну а для Якова она была „первым звонком", к которому следовало прислушаться, чтобы принять меры предосторожности. Но только не сегодня...

Через час он появился на Петропавловском кладбище, где хоронили Бориса Рюрикова — студента Казанского ветеринарного института. Борис жизнью заплатил за приверженность к социал-демократическим идеалам. В тюрьме он подорвал здоровье. „Умер от разрыва сердца", — говорилось в „Летучем листке" № 40. Яков Свердлов был с теми, кто пришел проводить героя-революционера в последний путь. Состоялась крупная политическая демонстрация. В полицейском протоколе отмечалось: „Когда священник Тихоновской церкви Троицкий и диякон Рюриков, отец покойного, вышли из квартиры, собравшиеся к выносу взяли гроб с умершим и на руках понесли его на кладбище

через Ново-Базарную площадь по Полевой улице...

На углу Полевой и Всесвятского переулка брат покойного Николай Рюриков и мещанин Леопольд Израилевич взяли с гроба в руки венки с лентами, снабженными надписями: „И ты погиб, не требуя венца", „Не нужно плакать, а мстить", „Ты не щадил в борьбе усилий честных, мы не забудем твоей гибели, товарищ". У могилы звучали крамольные речи..." Составители документа не упустили из виду и такую деталь. Дочь чиновника Лидия Соколова приколола к церковной двери „Летучий листок" № 40. Прикрывали ее Яков Свердлов и Борис Морковин. Они же, а еще и Вениамин Свердлов, вместе с другими пели на мотив „Марсельезы": „Вставай, поднимайся, наш русский народ, вперед, вперед..."

Губернатор Унтербергер назначил комиссию по расследованию дела, связанного с похоронами Бориса Рюрикова. Не составило особого труда определить круг „причастных лиц". 26 апреля все они были заключены в Нижегородскую тюрьму. В том числе и Вениамин Свердлов. А Якова найти не удалось. Куда он скрылся, никто не знал, кроме Ольги Ивановны Чачиной. Секретарь Нижегородского комитета РСДРП в эти дни держала под контролем подготовку к 1 Мая. Требовалось много прокламаций. Якову было сказано:

— Мобилизуй, пожалуйста, все свои возможности!

Пришлось перейти на нелегальное положение. Гектографы действовали в разных местах. Отпечатанное переправлялось в

Сормово. Именно там предполагались главные события. Скоро о них узнала вся Россия. Героем Первомайского дня стал сормовский рабочий Петр Заломов. С красным знаменем в руках во главе колонны демонстрантов он смело шел на солдатские штыки. Рядом были Дмитрий Павлов, Михаил Самылин, братья Семен и Алексей Барановы. Яков Свердлов все это видел сам, поскольку накануне сумел пробраться в Сормово. Но и только. Активные действия ему запрещались. На этом настояла О. И. Чачина. В бессильной ярости сжались кулаки „Андрея-буревестника", когда на его глазах „служители царю и отечеству" безжалостно разогнали демонстрантов. Зачинщиков вместе со знаменосцем, избитым прикладами винтовок, тут же отправили в тюрьму.

Подобную демонстрацию в центре Нижнего Новгорода намеревалась провести и учащаяся молодежь. Но, учитывая успех выступления сормовских рабочих и не желая допускать лишних жертв, комитет РСДРП решил отказаться от нее. Без его поддержки ссыльные студенты 1 Мая ничего не смогли сделать. Свое выступление они перенесли на более поздний срок. Готовили его самостоятельно силами Нижегородской социал-демократической организации. Всех сочувствующих пригласили поддержать их. С таким призывом выпустили специальную листовку, назвав в ней дату новой демонстрации — 5 мая. Собраться предстояло у стен нижегородского Кремля.

Яков, понятно, принадлежал к числу „сочувствовавших". Но запрет О. И. Чачи-

ной оставался в силе. Поэтому он позволил себе смотреть на все лишь издалека. Однако и это не получилось. Агенты полиции узнали „Малыша" и арестовали его на глазах у Сергея Моисеева еще до начала демонстрации. Как она прошла, Свердлов узнал позднее от очевидцев. Вот, что ему рассказали. Находившийся среди ссыльных студентов столяр Гавриил Михайлов поднял над головой красный флаг. Окружив его, демонстранты двинулись вдоль Кремля. Но тут же появились полицейские и оцепили демонстрантов. Владимир Лубоцкий бросил в стоявшую рядом толпу пачку прокламаций. Он же при поддержке Сергея Моисеева вступил в борьбу с помощником полицмейстера, человеком огромного роста, Игнатовым, пытавшимся вырвать из рук Гавриила Михайлова красный флаг. Появился воинский „караул". Демонстранты стали кричать: „Солдаты, помогайте нам, мы стоим за вас и рабочих!" Но это не подействовало. Всех арестовали, отвели на гауптвахту, а когда стемнело, доставили в городскую тюрьму.

Дни за решеткой тянутся медленно. Лишь через неделю Якова вызвали на допрос, который состоялся в губернском жандармском управлении. Из вопросов, что были ему заданы, он сразу же заключил: отвечать предстоит лишь за участие в погребении Бориса Рюрикова. О связях его с комитетом РСДРП данных у следователя нет. Кое-что известно о сотрудничестве с Нижегородской социал-демократической организацией, об участии в издании „Летучих листков". Но это можно отрицать. Как, впрочем, и все остальное по

мере возможности. Собственноручно заполняя протокол допроса, Яков чуть ли не в каждой строке использовал частицу „не": „не знаком", „не участвовал", „не видел"... Лишь в одном дала себя знать молодость. В графе „время рождения" записал: "1884 год, май 16-й день". Кстати, от этого же „соблазна" не удержался и Вениамин, которого тот же следователь допрашивал двумя днями позднее: он тоже прибавил себе год.

В сопровождении двух конных стражников „Андрей-буревестник" ехал по родному городу в крытом фургоне и, не отрываясь, смотрел в маленькое зарешеченное оконце. О чем мог думать он в это время? Об отце? О родных? О друзьях-товарищах? О деле, что признал для себя со всем пылом юношеской страсти самым важным и нужным? О событиях последних дней? О смелом знаменосце Сормовской демонстрации Петре Заломове, с которым оказался под одной тюремной крышей? По-видимому, о многом. Но о тюрьме — особо...

По закону для политических и уголовных заключенных определялся разный режим содержания. „Никакого разделения!" — распорядился начальник тюрьмы. Вновь прибывшие зароптали, потребовали объяснений. „Мы вам не подотчетны", — прозвучало в ответ. Звонки, которыми была соединена надзирательская с камерами политических заключенных, по распоряжению начальника тюрьмы были обмотаны тряпками: „Пусть не беспокоят!"

Первым нарушил тишину Николай Гурвич. Взяв в руки табуретку, он стал стучать ею в дверь камеры, требуя пригласить к нему начальника тюрьмы. Тот пришел, но, даже не взглянув на арестанта, отдал надзирателю распоряжение надеть на смутьяна смирительную рубашку. Тогда забарабанил в дверь Сергей Моисеев. „Посадить в карцер!" — раздался приказ. Товарищей поддержал Алексей Сысин, все узники. „Будем стрелять!" — защелкали затворами винтовок надзиратели.

Яков Свердлов находился в одной камере с Леопольдом Израилевичем. На угрозу применить оружие они ответили криками:

— Не испугаете! Мы не из робких!

Когда в камеру ворвались стражи тюремного порядка, юноши сопротивлялись как могли. Но силы были не равны. Смутьяны оказались в смирительных рубашках. Обоим пришлось познакомиться с карцером. Он, кстати, находился непосредственно под алтарем тюремной церкви. Это лишний раз доказывало, чего она стоила, вознесясь над сырым, холодным каменным мешком, где „даже здоровым людям грозила опасность схватить болезнь", как свидетельствовал Петр Заломов. Именно после карцера у Якова стали „пошаливать" легкие, появился кашель. Но дух сопротивления произволу не стал слабее. Собственноручно он подготовил письмо на имя прокурора Нижегородского окружного суда, под которым подписался и Л. Израилевич. Оба требовали экстренной встречи с ним, подчеркнув: „...так как не отвечаем за себя, за могущие произойти последствия".

Прокурор окружного суда Утин, костлявый, сухопарый чиновник, вынужден был заняться расследованием. В конце концов он признал, что жалобы заключенных небезосновательны. Начальник тюрьмы и его помощник явно превысили свои полномочия. Утин заверил заключенных, что об этом будет доложено губернатору. Но положение оставалось без перемен. Тогда политические узники пошли на крайнее средство: объявили голодовку. Яков — вместе со всеми...

4

Полицейский чиновник был озадачен. Только что с почты принесли на просмотр очередное письмо поднадзорного А. М. Пешкова, сосланного на жительство в Арзамас, и теперь предстояло решить: содержит оно крамолу или нет. Снова и снова вчитывался он в подозрительные строки: „В Нижнем — ужасные творятся вещи! Страшные дела! Пойманы и посажены в тюрьму отвратительные преступники, политические агитаторы, рррреволюционеры, числом двое, сыновья гравера Свердлова — наконец-то! Теперь — порядок восторжествует и — Россия спасена!.. Преступники изловлены 6-го мая, во время демонстрации, на улице. Раскаялись. Плакали! Старшему из них 15 лет, а младшему 13. Третий брат их — 6 годов — еще в тюрьму не посажен. Четвертый сейчас сидит у меня и — хохочет, нераскаянная душа! Этот самый старый — 18 лет...

...В ниж[егородской] тюрьме свыше полсотни молодежи. Голодали три дня, протестуя против действий начал[ьства] тюр[ьмы].

Вообще — творится что-то отвратительное. И все, что творится, создает в молодой и юной России — неизбежно создаст! — гнев и месть".

Чиновника смущал тон послания.

Действительно, заряд сарказма был заложен в письме немалый. Объяснений тому — множество. Ясно главное: Алексей Максимович был уверен, что тайна его личной переписки, гарантированная законом, — фикция. Адресовано послание было директору книгоиздательского товарищества „Знание" К. П. Пятницкому. М. Горький спрашивал его: „Интересно мне знать — Вы читаете мои письма или не Вы? Сообщите, чтобы я в случае, если имеются другие читатели, мог своевременно повысить стиль сообразно их вкусам". На всякий случай меры предосторожности были все-таки приняты...

В тюрьме „Андрей-буревестник" провел две недели. Многое из того, о чем доводилось слышать от бывалых товарищей, прочувствовал теперь сам. Урок оказался памятным.

Рядом был Петр Заломов. Мужество и стойкость этого человека, казалось, не знали границ, вызывали общее восхищение политических заключенных. Яков сожалел о том, что, бывая в Сормове, не смог с ним познакомиться раньше. „Какая глубокая натура! Сколько чувства и страсти в

каждом его слове, поступке, действии!..” Молодой революционер решил, что надо будет собрать об этом человеке самые подробные и исчерпывающие сведения, когда выйдет на волю. Сормово манило к себе как никогда...

Двухнедельный срок пребывания в тюрьме был мерой административного наказания. Оно налогалось решением губернатора.

Оказавшись на свободе, Яков первым долгом решил повидать Ольгу Ивановну Чачину. Заглянув в библиотеку Всесословного клуба, увидел, что читателей — никого. Вот удача-то!..

— Ну, поздравляю с освобождением! А заодно и с боевым крещением! Запомнилось?..

— Да. Надолго!

— Это полезно. Для осмотрительности. Она в нашем деле нужна постоянно...

Быстро обсудили все последние новости. А потом Ольга Ивановна спросила, не связывает ли его что-нибудь с Казанской губернией?

— Есть знакомые в Чистополе. Обещали оказать содействие в получении официального документа, что я прошел выучку на фармацевта.

— Вот и прекрасно. Предлог для поездки благовидный. А заодно и еще кое-что выполнишь...

В феврале 1901 года значительная часть социал-демократов Казани была арестована. Оставшимся на свободе постоянно помогали чем могли ближайшие соседи — нижегородцы: снабжали нелегальной литературой, содействовали укреплению свя-

зей с редакцией „Искры", располагая нужными адресами. Эту заботу О. И. Чачина считала одной из важнейших. Делила ее с теми, кому доверяла больше всего. Вот и теперь требовалось отправить в Казань огромную кипу брошюр, прокламаций, полученных из-за границы. Багаж был тщательно упакован и вручен Якову. С ним он оказался на борту парохода „Великий князь Кирилл".

Закрутились колеса, поплыли мимо причалы Нижнего Новгорода, потянулись берега, поросшие лесом, буйным кустарником. В Чистополе Свердлов сделал остановку. Повидался со знакомыми, которые рассказали, как и где можно оформить официальное свидетельство о его причастности к фармацевтической профессии. Только после этого отправился в Казань. Передав багаж по назначению, успел и личной заботе уделить время. Нужную бумагу получил и тогда снова вернулся в Чистополь, где встретился с учителем словесности местного технического училища Федором Ионовичем Ионовым. Как социал-демократ, он вел занятия в нелегальном кружке, состоявшем из воспитанников этого учебного заведения. Пригласил Якова встретиться с ними, представил его как приезжего пропагандиста. По ходу разговора речь зашла о людях, которые смотрят на мир через черные очки, вечно ноют, пасуя перед малейшей трудностью. Что скажет о них знакомый Федора Ионовича?

Яков стал говорить о необходимости решительных революционных преобразований. Больше всего эта мысль понрави-

лась самому мечтательному из присутствовавших ребят — Александру Клыкову.

Он вдохновился:

— Тут надо бы помочь — ускорить движение...

Яков улыбнулся:

— Об этом и должны мы позаботиться сообща, действуя так, как призывает „Искра".

Через три с лишним года им довелось встретиться. Произошло это в Перми. Александр Клыков стал рабочим Мотовилихинского пушечного завода, активно сотрудничал с революционным подпольем, которое возглавил Яков Свердлов. Тогда они узнали друг друга по именам. А пока это была тайна, продиктованная условиями конспирации.

В Нижнем Новгороде вернувшегося из Чистополя Якова ждало новое партийное задание. И опять оно было связано с поездкой. Предстояло побывать в Саратове, где социал-демократы смогли освоить новый метод гектографирования — на стекле. В совершенстве владел им, как стало известно, некто Михаил Оленин.

— Выясни, не мог бы он хотя бы на небольшое время перебраться в Нижний Новгород, — напутствовала О. И. Чачина Якова перед дорогой.

— Уговорю обязательно. Вот увидите...

Обещание это было выполнено. Появление Михаила Оленина в Нижнем Новгороде ознаменовалось увеличением числа „синих листков". Если раньше с каждого гектографа удавалось снимать девяносто — сто оттисков, то при использовании обычного оконного стекла — двести —

двести пятьдесят. А прокламации были нужны чрезвычайно. Майские события 1902 года широко обсуждались среди нижегородцев. Рабочие внимательно следили за судьбой взятых под стражу участников демонстраций, передавали для них деньги, одежду, пищу. Заботилась об этом организация политического Красного Креста, одним из активистов которой был „Андрей-буревестник". Значительное содействие ей оказывал и Максим Горький. Даже ссылка его в Арзамас не могла помешать этому.

Писатель был в курсе всех событий. Летом у него побывал Яков. Приезжали и другие гости. Новостями снабжали регулярно. Фонд помощи нижегородцам — жертвам царского произвола смогла создать редакция „Искры". Полиции стало известно, что поступившие в фонд средства намечено выслать из Парижа через Арзамас в адрес одной из нижегородских типографий. Какой именно? Вопрос всесторонне обсуждался должностными лицами губернского жандармского управления. Вот их вывод: предполагается типография М. И. Свердлова. Все, мол, дело в его сыновьях. Департаменту полиции было отправлено сообщение: „Как Зиновий, так и брат его Яков Свердлов близки Максиму Горькому, а Яков Свердлов, по-видимому, является участником Нижегородской социал-демократической организации".

В июне 1902 года „Искра" опубликовала проект программы РСДРП. Яков усиленно штудировал его, обдумывая каждую строку. А вскоре Свердлову удалось

познакомиться с ленинским произведением „Что делать?". Он безоговорочно принял все теоретические и организационные положения, обоснованные в книге. Особенно большое впечатление произвела на него третья глава, которая давала ответы на насущные вопросы революционного движения и определяла задачи каждого социал-демократа, следовательно, и его тоже.

Началась подготовка ко II съезду РСДРП. Важно было сплотить единомышленников, слить их усилия воедино, исключить разрозненность действий. Оправдано ли, например, самостоятельное существование Нижегородской социал-демократической организации? Безусловно нет. Ссыльным студентам никчемность, надуманность их „автономии" доказывал не только Яков. Ту же самую позицию отстаивал и А. В. Яровицкий. В конце концов их усилия увенчались успехом. Поддерживавший переписку с „Искрой" А. И. Пискунов — муж сестры О. И. Чачиной — сообщил редакции в сентябре 1902 года: „Теперь в Нижнем только одна организация — комитет (РСДРП. — *В. П.*), так как социал-демократическая организация решила прекратить свое самостоятельное существование, чтобы не вносить путаницы в дела".

Численный состав партийной организации стал заметно расти. Если в начале 1902 года на территории Сормова насчитывалось не более двенадцати социал-демократических кружков, то к концу года их стало девятнадцать с числом членов более пятисот человек. Основная часть пропа-

гандистов приезжала из Нижнего Новгорода. Губернскому жандармскому управлению стало известно, что „...интеллигенты эти называются вымышленными именами или под № и совершенно неизвестны простым участникам кружков...” Кому-то из ловких сыщиков удалось рассекретить „Андрея-буревестника”. Так родилось донесение в департамент полиции: „...в числе деятельных участников по Сормовской организации состоит и полоцкий мещанин Яков Свердлов”. Он с гордостью называл себя „седым”, что на партийном лексиконе понималось как социал-демократ, куда лучше, чем „серый” (социалист-революционер). Разумеется, дело было не в игре слов. Принципиальное значение имело то, что крылось за ними. Мелкобуржуазная партия эсеров, возникшая на обломках позднего, выродившегося народничества, пыталась утвердить свои позиции в пролетарской среде. „Седые” решительно противодействовали этому. И не только в дискуссиях, на страницах печати. Даже частный разговор мог вылиться в непримиримый спор, если друг против друга оказывались представители разных партий. Яков считал эсеров серьезными врагами. Вел себя с ними столь же непримиримо, как с экономистами, прихвостнями либеральной буржуазии.

Основные идейные бои шли прежде всего в Сормове. Там и пропадал Свердлов больше всего. К отцу приходил гостем. Если случалось побыть с родными хотя бы недельку, то сормовичи сами находили желанный им дом на Большой Покровке. Чаще других посещал его Семен Бара-

нов — рабочий с твердой революционной хваткой. Под стать ему был другой сормович — Павел Мочалов. Встречаясь со Свердловым, они неизменно задавали один и тот же вопрос: „Что слышно о наших?" И сразу же получали исчерпывающую информацию о событиях в Нижегородской тюрьме, ибо речь шла, понятно, об участниках майской демонстрации. 28 октября начался судебный процесс. Вели его члены Московской судебной палаты. Пламенную речь произнес Петр Заломов. Рядом с ним были Владимир Лубоцкий, Сергей Моисеев. Приговор, как и следовало ожидать, оказался суровым. Подсудимых ждала Сибирь...

1

Подходил к концу 1902 год.

На улицах — обычная, будничная сутолока. С озабоченным видом спешат по делам купцы. Перегоняя друг друга, движутся неприметные чиновники. Между ними снуют разносчики газет, выкрикивая нараспев заголовки очередных сенсационных публикаций. Босяки-оборвыши жмутся к подворотням домов. Ничего примечательного, ничего особенного. Разве только городовых слишком много: стоят на каждом углу, пристально вглядываясь в лица прохожих...

Опять — в который раз — усилен режим охраны общественного порядка. Оно и понятно. Только что завершившийся судебный процесс над участниками майских демонстраций взбудоражил нижегородцев. Большинство из них считают приговор жестоким и несправедливым. Об этом говорят всюду. Чувствуется, что зреют большие события, которые обернутся общественным взрывом. Через три года силу его покажет первая русская революция. А пока...

Ольгу Ивановну Чачину не удовлетворяли итоги проделанной партийной работы. Все еще давали себя знать кустарничество, кружковщина, идейный и организационный разброд в рядах социал-демократов. Не хватало надежных помощников,

которые отдавали бы подготовке революции не только свободные вечера, а всю жизнь, причем целиком, без остатка. О том, что в самодержавной России без таких людей не обойтись, писала „Искра", один из главных ее авторов, перу которого принадлежала книга „Что делать?". Яков Свердлов в восторге от книги, готов цитировать страницами. Считает совершенно справедливым то положение, в котором говорится о необходимости тщательного отбора способных агитаторов, организаторов: их надо умело использовать. Убежден, что тут должна быть строгая система. Не зря же в книге говорится: „Начиная с маленькой поездки по делам партии на счет партии, люди привыкали бы переходить целиком на содержание партии, делаться профессиональными революционерами, вырабатывать из себя настоящих политических вождей"[1].

Явно, что его привлекает такая перспектива. Пусть и следует ей!

Однако решение Ольги Ивановны смутило Якова:

— А по силам ли мне роль, которая предлагается? Опыта маловато...

— Будь иначе, и разговора бы у нас не состоялось. А навыки приходят только в работе. По себе это знаю. Так что действуй!

Свердлов размашистым шагом идет по тротуару, тщательно расчищенному дворниками от снега. Еще и еще раз взвешивает перемены, происшедшие в его судьбе. Итак, отныне он профессиональный рево-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 171.

*Михаил Израилевич Свердлов –
отец Я. М. Свердлова*

*Елизавета Соломоновна Свердлова –
мать Я. М. Свердлова*

Класс воспитанников Нижегородской мужской губернской гимназии. Третий слева в первом ряду (внизу) – Я. М. Свердлов

Яков Свердлов – гимназист.
1900 г.

Нижегородский драматический театр

*Борис Рюриков – социал-демократ.
Его похороны превратились
в политическую демонстрацию*

А. М. Горький среди сосланных в Нижний Новгород студентов. Сзади, за писателем, – А. В. Яровицкий, один из руководителей нижегородского революционного подполья

Владимир Лубоцкий.
1902 г.

Ольга Ивановна Чачина –
секретарь Нижегородского комитета РСДРП

Софья Загайная – участница гектографирования нелегальных изданий Костромской группы социал-демократов Северного комитета РСДРП

Обложка тюремной тетради
Я. М. Свердлова

Я. СВЕРДЛОВА
1го ТЮРЕМ. ЗАМ
19е АПРѢЛЯ 1903
14е МАЯ 1903
14 ЮНЯ 1903

Я. М. Свердлов.
1907 г.

...итический арестант Николаевской
...ат. Отделения именующий себя ...
...ложным Георг. Снят по пору...
...ию Окр. Суда). Гур. г. ...

В Нарымской ссылке

Я. М. Свердлов
в рабочем кабинете

Я. М. Свердлов с женой и дочерью

Я. М. Свердлов в вагоне поезда во время поездки на фронт. 1918 г.

люционер. Внешне, пожалуй, ничего не изменилось. Заниматься приходится тем же, чем и раньше. Но груз ответственности за исход каждого очередного начинания стал ощущаться острее, прибавилось осмотрительности, возрос самоконтроль. Налаженные в прошлом связи с рабочими радовали. И все-таки хотелось, чтобы они были шире, разветвленнее. Надо больше проявлять личной инициативы для осуществления желанной цели, искать пути проникновения в пролетарскую среду, которые мало изучены или просто неизвестны. Важно иметь всюду, где витает дух недовольства самодержавным строем, надежные ходы, гарантирующие как оперативность, так и безопасность революционных действий. Поэтому обольщаться достигнутым никак нельзя. Так и Ольга Ивановна Чачина считает...

Внимание Якова привлекла залепленная афишами рекламная тумба, неподалеку от которой стоял городовой. Юноша обошел ее вокруг и сразу же нашел сообщение, приклеенное, судя по влажным пятнам, совсем недавно. В нем говорилось, что сегодня, 28 декабря 1902 года, в помещении Коммерческого клуба с благотворительной целью состоится вокально-литературный вечер. Сборы — в пользу нуждающихся студентов. К подготовке его Нижегородский комитет РСДРП имел непосредственное отношение. Вход для всех желающих свободный. Но было необходимо оповестить нужных людей еще и в явочном порядке. Для надежности. Ведь вечер предстояло организовать и провести как революционную сходку.

Свердлов должен был уведомить сормовичей. Отправился к ним вчера вечером. И вот дело к обеду, а он только возвращается.

В Сормове началось все с того, что, услышав приглашение: „Милости просим на вокально-литературный вечер!" — один рабочий сказал:

— А что там будет? Романсы да вирши? Пускай их буржуи слушают! Студентам пособить мы и без того сможем.

Кто он такой, Яков не знал. Раньше не встречались. Да и не столь уж это важно. Обрадовало, что большинство сормовичей считали по-другому:

— Нельзя так рассуждать! Будет на вечере наша делегация! Обязательно будет!..

На обратном пути Яков решил заглянуть к В. А. Десницкому. В окнах дома, где он живет, была видна разукрашенная искрящимися шарами и пышными гирляндами новогодняя елка. Но это в другой квартире, соседской. А у В. А. Десницкого в окнах пусто, на двери замок. Жаль, конечно. Да что поделаешь?! И он, можно не сомневаться, хлопочет где-то по устройству вечера. „Встретимся в Коммерческом клубе", — решил Свердлов.

Остаток дня проскочил незаметно. Подошло время отправляться на вечер. Яков пригласил с собой брата Вениамина. Первое, что поразило, когда явились в клуб, — обилие публики. Множество знакомых. К сожалению, не только приятных. Насторожило присутствие большого числа филеров. Пожаловал даже сам полицмейстер Таубе. Сразу заметил братьев Свердло-

вых: то и дело косит в их сторону глазами. Еще бы! Старые знакомые.

Сормовичи слово сдержали. На вечер пришли несколько рабочих во главе с Павлом Мочаловым и молоденькой учительницей Марией Андреевной Морозовой.

— Не хотите ли купить программки?

Распорядители вечера подвели сормовичей к столику, что стоял под портретом царя. За ним хозяйничала жена Максима Горького — Екатерина Павловна Пешкова. „Товар" был украшен цветочками, пейзажиками, разложен стопками. Казалось бы, сормовичам достались такие же программки, какие вручались всем. Но Екатерина Павловна сочла нужным шепнуть:

— Пользуйтесь осторожно!

Для предостережения имелись веские основания. Внутри программок — злая политическая карикатура на самодержавие, представленная разными сюжетами. Это первый сюрприз, который ожидал сормовичей. А сколько их было еще! Яков хоть и знал программу концерта, сам участвовал в его составлении как один из организаторов вечера, но восхищался событиями на сцене искренне, от души. Что ни номер, то с „ершом". Атмосфера бодрого революционного духа витала над собравшимися. Сормовичи бурно аплодировали, кричали „бис".

Жена писателя Е. Н. Чирикова прочитала сверх программы стихотворение „Лес рубят" — с глубоким политическим подтекстом, муж ее продекламировал такого же характера басню. Овации сотрясали стены клуба. Вынужденный позднее давать

по этому поводу объяснения губернатору, полицмейстер так описывал обстановку: „Если бы я даже присутствовал при неожиданном чтении супругов Чириковых (в обоих случаях он находился вне зала. — *В. П.*), то пресечь это являлось бы крайне опасным, так как малейшее активное действие с моей стороны неминуемо вызвало бы крупный беспорядок среди молодежи, состоявшей преимущественно из студентов и лиц, крайне неблагонадежных в политическом отношении".

За карикатурные рисунки, которые ходили по рукам, полицмейстеру тоже пришлось „отдуваться": „Во время концертных отделений и до окончания танцев в клубе находилось до 15 агентов от городской полиции; люди эти почти все практически подготовленные и хорошо ознакомленные с приемами по наблюдению, между тем никому не попался ни один экземпляр нелегального содержания".

Вечер закончился в половине пятого утра. Яков покинул его вместе с сормовичами. Они благодарили за приглашение, просили и впредь уведомлять о подобных мероприятиях. А профессиональный революционер делал для себя выводы: „Полезно все, что во вред самодержавию!"

2

День был сумрачный, февральский. Казалось, небо серой шапкой придавило дома. Мороз невелик, но заборист. Поеживаясь от холода, Яков заглянул во Всесословный клуб. Библиотека открыта. О. И. Чачина — одна. Правда, настроение

под стать погоде: сидит нахохлившаяся, расстроенная.

— Что случилось?

— Из Сормова сообщили о массовой драке. Есть убитые, раненые. А уж искалеченных и не сосчитать...

— Стенка на стенку?

— Вот-вот. Именно так!

Нравы рабочего поселка нельзя было идеализировать. Всякое порой случалось. Летом прошлого года, отправляясь туда, чтобы провести очередное занятие в нелегальном кружке, Яков захватил с собой из Нижнего Новгорода арбуз. Слушатели дружно ахнули, увидев такой подарок. „А чем разрезать?" Выяснилось, что почти у каждого за голенищем сапога есть нож. Носили на всякий случай. Необходимость в самообороне была постоянно. Много хулиганов. Да и свои же мастеровые могли придраться, если, скажем, с одной стороны поселка перейдешь на другую. Встречают как чужака. Таков порядок, неизвестно кем заведенный. А в конце каждой зимы одна часть жителей поселка выступала против другой, мерялись силами. Вот и на этот раз схватка началась как обычно — беззлобно, ради забавы. Но потом все резко изменилось — бились уже как заклятые враги: о потерях не думали, с жертвами не считались.

Нижегородский комитет РСДРП выпустил листовку „К рабочей молодежи". В углу стоял красноречивый эпиграф: „Жестокие, сударь, нравы. *Островский*". Имелся и подзаголовок: „По поводу сормовской драки-резни". Слова были горькие, жесткие: „Опять резня, резня дикая, зверская.

И это повторяется из года в год. Рабочий убивает рабочего, убивает бессмысленно, глупо, только потому, что хватил лишний стаканчик, что слишком много накопилось ненависти, злобы, что кипит она и клокочет в груди. И довольно неосторожно сказанного спьяна слова, чтобы вспыхнула эта злоба, чтобы человек перестал быть человеком и сделался зверем, чтобы в ход пошли ножи и кастеты..."

Подчеркивалось, что многое связано с дикостью и невежеством, царящими в обществе. Именно они разъединяют людей. А этого быть не должно. „Ваша разрозненность — ваша гибель. В сплоченности, в товариществе ваша сила и мощь", — утверждала листовка, звавшая на решительную борьбу с самодержавным строем. Сыщики сбились с ног, разыскивая издателей. Но безуспешно. Тогда был спешно создан комитет „Слово и дело". Идею подал начальник Московского охранного отделения Зубатов. Используя веру отсталой части пролетариата в царя, он насаждал рабочие организации, в которых проповедовались принципы „полицейского социализма". Зубатовщина была рассчитана на то, чтобы незначительными уступками со стороны предпринимателей отвлечь мастеровых от революционной борьбы. Почему бы не попробовать это и в Нижнем Новгороде?

Созданный под жандармской опекой комитет „Слово и дело" провел собрание отребья, выданного за молодежь Сормовского завода. Цель была одна: опорочить обращение социал-демократов, посеять недоверие среди рабочих к революцион-

ной пропаганде. Комитет „Слово и дело" решил издать свою листовку, в которой говорилось, что злые люди сеют смуту среди сормовичей, обращаются к молодежи, то есть к неокрепшей и неустоявшейся части общества, надеясь увлечь ее за собой, а это не что иное, как подвох, которого следует опасаться. Текст заканчивался словами: „Пусть „господа доброжелатели" не надеются на успех. Молодежь не последует за ними, а будет добиваться улучшения положения „мирным и законным путем", укрепляя благосостояние своего завода или фабрики и пресекая эксплуатацию предпринимателей с помощью твердой и сильной власти, какой является царь и самодержавие".

Провокационная жандармская затея потребовала решительного отпора со стороны социал-демократов. Комитет РСДРП выпустил ряд листовок, которые разоблачали демагогическую суть заявления комитета „Слово и дело", раскрывали его истинный смысл, показывали, насколько опасна зубатовская политика. Рабочие с презрением осудили сторонников „полицейского социализма". Была ли это личная заслуга „Андрея-буревестника", сказать трудно. Возможно, что ему самому пришлось готовить листовки от имени Нижегородского комитета РСДРП. В. В. Савина — одна из помощниц по гектографированию — в своих воспоминаниях подчеркивает, что тексты прокламаций Свердлов нередко составлял у нее на квартире и „писал он их много".

Несомненно другое. В разоблачении истинного лица комитета „Слово и дело"

Яков принимал непосредственное участие. Он немало сделал для формирования боевой социал-демократической контрразведки, о необходимости создания которой не раз говорил В. И. Ленин, подчеркивая, что „именно борьба с *политической* полицией требует особых качеств, требует революционеров *по профессии*"[1].

Понятно, что нужные связи установить было непросто. Риск огромный. Все требовалось держать в строжайшей тайне. Только Ольга Ивановна Чачина могла знать о ней. Больше никто!.. Вот почему кое-кто из социал-демократов недоумевал, встречая порой Якова в компании то Петра Зимницкого, сотрудника сыскного отделения, то Владимира Германа, сына старшего сыщика по уголовным делам губернского жандармского управления. С их помощью удалось узнать, кто стоял за комитетом „Слово и дело", а заодно и многое другое из полицейских секретов, интересовавших революционное подполье.

Все разъяснилось в дальнейшем, спустя годы. По словам Г. П. Матвеева, работавшего у архитектора Мичурина в Нижегородском ярмарочном комитете и поддерживавшего социал-демократов, вот что оказалось: „Петр Зимницкий — молодой красивый парень из сыскного отделения, где начальником был пристав Кевдин, препротивнейший, грубый человек, всегда проводивший у политических обыски и аресты. П. Зимницкий тяготился своей службой, был настроен всемерно помогать делу революции и в этом отношении ис-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 109–110.

пользовался подпольщиками. Все, что Зимницкий узнавал от Кевдина или из поступивших донесений филеров, становилось известным Свердлову. Иногда таким образом предупреждались обыски. Другим сочувствующим революции показал себя Владимир Герман..."

Был случай, когда контрразведка помогла установить, что у некоторых участников приема, который устраивал Максим Горький, намечено провести в ту же ночь обыски. Этих лиц удалось предупредить. Срочно покинув гостеприимный дом писателя, они навели у себя в квартирах „порядок". Обыски были, но из-за отсутствия улик ни одного ареста не состоялось. Как-то раз П. Зимницкий сообщил, что из Васильсурска поступила телеграмма о необходимости „встречи" отставного капитана Н. А. Лапушкина, выехавшего в Нижний Новгород: при нем-де есть социал-демократические листовки. Действительно, этого человека в комитете РСДРП ждали. Пришлось встретить на подъезде к губернскому центру, у деревни Афонино. Руководил операцией лично Яков. Все обошлось благополучно. Н. А. Лапушкин избежал ареста, который грозил ему, если бы полиция взяла с поличным.

То, о чем рассказывается в воспоминаниях Г. П. Матвеева, подтверждают документы, которые сохранились в архивах. При обыске на квартире провизора Г. М. Зуля — одного из близких знакомых Свердлова — жандармы обнаружили у его сына-гимназиста гектографированную записку, сообщавшую: „Нижегородская социал-демократическая организация пре-

дупреждает всех рабочих и интеллигенцию, что в Нижнем завелся кружок пропагандистов-шпионов, которые сняли квартиры и снабжены нелегальной литературой и заманивают в свои сети. Занимаются этим следующие лица: Баров, околоточный, Прикащиков, жандарм, Бездомников, Миронов и Котельников под управлением Кевдина".

О том, насколько основательно была поставлена революционная контрразведка, можно судить по донесению начальника Нижегородского охранного отделения в департамент полиции с особым выделением такого факта: 15 ноября 1902 года в Сормове состоялась сходка главных представителей рабочих кружков, „где принято решение собирать в кассу не 2%, как раньше, с заработка, а 3%, причем 1% на содержание наблюдения за охранным отделением, чтобы выяснить лиц, находящихся в сношениях с этим отделением...". Сообщение подтверждается письмом О. И. Чачиной редакции „Искры", датированным 4 апреля (22 марта) 1903 года: „В декабре возникло новое учреждение — сыскное отделение с ротмистром Засыпкиным во главе. Количество штатов заметно увеличилось". Ясно, что секретные сведения стали известны комитету партии неслучайно. Был канал, по которому они поступали. Об этом же свидетельствует еще одно письмо О. И. Чачиной, адресованное редакции „Искры". Оно написано 10 марта (25 февраля) 1903 года: „Удалось добыть фамилии лиц, за которыми установлен наистрожайший надзор". Одновременно отмечается: „Жандармы

хотят непременно найти комитет и стали следить много сильнее, но до сих пор им не везет, и они высказывают даже предположение, что комитет в другом городе".

В борьбе с политической полицией Яков Свердлов совершенствовал свое мастерство профессионального революционера. Но и полиция не упускала его из виду. Слежка была постоянная, причем не только скрытая.

Однажды февральской ночью 1903 года жандармы нагрянули на квартиру, которую снимал ,,Малыш", живя отдельно от отца. Нашли рукописную статью ,,О действии французской революции", но безымянную, неподписанную, кто автор — установить не удалось. А вот то, что к ней был приложен текст о борьбе французского народа за свободу, равенство, братство, написанный рукой Якова Свердлова, в протоколе обыска отразили особо. Впрочем, повода для ареста это не давало. Непрошеные гости, громко топая коваными сапогами, удалились восвояси. А Яков прикорнул на постели, коротая остаток ночи в думах о французской революции, ее уроках, последствиях — интересовался этим давно. Может, кое-что из исторического опыта пригодится в практических делах? Правда, все записи жандармы унесли. ,,Ну, не беда! Восстановлю по памяти". С тем и задремал под утро.

3

Чистая случайность — в год, когда Яков Свердлов стал профессиональным революционером, на Большой Покровке

открылся книжный магазин. Принадлежал он редакции „Нижегородского листка". Поддерживал деловые взаимоотношения с различными фирмами, издававшими литературу, в том числе и с заграничными. Обширное место занимал букинистический отдел. Может, потому-то и назвали магазин „Книжным музеем"?.. Одно время им заведовал член Нижегородского комитета РСДРП И. П. Ладыжников, а после его ареста в феврале 1903 года эта роль была возложена на социал-демократа А. А. Гусева. И у того и у другого обязанности помощника выполнял прекрасный библиограф, искусный литературовед А. В. Панов. По словам Максима Горького, это был „один из тех людей, которые всю жизнь свою, все силы затратили скромно и бесшумно на то, чтоб подготовить... переворот в России...".

Оружие одно — книга. А. В. Панов всегда был готов дать дельный совет тому, кому вполне доверял. В полицейской переписке сохранился документ, где о А. В. Панове сказано: „...по агентурным указаниям, серьезный революционный деятель, которому рекомендовали лишь лиц, в надежности коих в революционной среде не могло быть сомнений". Яков Свердлов стал постоянным посетителем „Книжного музея". Как профессиональный революционер, много полезного почерпнул из общения с А. В. Пановым. Часто вместе составляли списки литературы для занятий в нелегальных кружках. Одни — в расчете на пропагандистов, другие — для слушателей. Если в прошлом „Андрей-буревестник" сам выслушивал методиче-

ские указания, которыми следовало руководствоваться, то теперь, в новом положении, на него возлагалась обязанность давать их. А. В. Панову нравились въедливость, дотошность, с которыми Яков вникал в литературоведение:

— Опора надежная! Любому делу подмога...

— Так и я об этом же думаю.

Профессиональный революционер тщательно учитывал читательские интересы рабочих, старался влиять на них, чтобы самостоятельные занятия с книгой помогали каждому расширять кругозор, накапливать разнообразные знания. Безусловно, с одной меркой ко всем не подойдешь. Советы приходилось давать с учетом реальных возможностей человека, в том числе и материальных. Кто располагал необходимыми средствами и пользовался безусловным доверием в партийной среде, мог подписаться через „Книжный музей" на революционный журнал. Яков брал на себя посреднические функции, действуя опять-таки через А. В. Панова. Кому-то из полицейских осведомителей удалось это установить. За „Книжным музеем" началась слежка...

Свердлов по себе знал, как велико значение стимулов к интеллектуальной работе, часто повторял на занятиях нелегальных кружков: „Литература, искусство... помогают понимать теоретически познанное развитие человечества... Я нахожу в них отражение общественных отношений".

В буржуазном обществе складывались основы пролетарской культуры. А вместе

с ней и люди, способные прокладывать дорогу будущему. В. И. Ленин подчеркивал, что именно с начала XX века передовые рабочие стали заменять собой прежнее поколение революционеров из среды интеллигенции[1]. Яков шел с ними плечо к плечу, действовал рука об руку...

Наглядный пример тому — представление пьесы Максима Горького „На дне". Писатель закончил ее летом 1902 года, когда жил в арзамасской ссылке. Нижегородский драматический театр смог подготовить спектакль. Свердлов дал ему широкую рекламу среди сормовских рабочих. Шпионы это „пронюхали". Вот характерное письмо прокурора Нижегородского окружного суда, посланное им коллеге из Московской судебной палаты: „По сведениям, полученным от начальника Нижегородского охранного отделения, на одном из этих спектаклей предполагается устройство демонстрации, которая, по агентурным данным, должна выразиться, наряду с чествованием отсутствующего автора, в преступных криках и в разбрасывании по зрительному залу подпольных воззваний".

С „Малыша" филеры не спускали глаз. О том, как следили за ним, можно судить по такому документу: „Яков Свердлов и Николай Растопчин были вместе в театре, когда шел спектакль „На дне" 20 марта (1903 года. — *В. П.*), причем после театра вышли на улицу, где приняли меры, чтобы не быть проведенными агентами, оставаясь около театра уже после того,

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 76.

как потушены были фонари, и грозясь замеченным ими находившимся близ театра троим лицам, кои могут быть при надобности установлены и фамилии их сообщены".

4

Яков опять переселился к отцу. Ночью с 13 на 14 апреля 1903 года был дома. Все уже легли спать, когда дверь чуть не слетела с петель от могучих ударов. Гости в синих мундирах вели себя бесцеремонно. Под кроватью Вениамина им удалось обнаружить чемодан с различными нелегальными изданиями. На столе, стоявшем в другой комнате, где была Сарра, лежала рукопись статьи о развитии французской революции. Писал ее Яков. Рассчитывал к утру закончить. Да вот не удалось...

— Собирайтесь!..

В ту ночь Вениамин и Яков оказались в тюрьме.

Полицейская агентура приложила немало усилий, чтобы подготовить арест. Улик, свидетельствующих о явной „неблагонадежности" братьев, удалось собрать много. Оба замешаны в гектографировании нелегальных изданий. Так, например, был подготовлен сборник революционных песен с текстами „Варшавянки", „Смело, товарищи, в ногу", „Дубинушки", „Обители", „Нагаечки" и другими. Осведомители, прокравшиеся в партийное подполье, доносили: „Это инициатива Якова Свердлова". Он же хотел переиздать путем гектографирования ходивший в рукописи

очерк В. Г. Короленко ,,Чудная" — о девушке-революционерке, ,,которую можно сломить, а согнуть нельзя".

И к распространению ,,синих листков" был причастен непосредственно. Использовал для этого любую возможность. Где многолюдно, там и он.

Вот конкретный пример. Ежегодно на исходе очередной пасхальной недели большие празднества устраивались в связи со встречей иконы Оранской божьей матери. Ее привозили в Нижний Новгород из Оранского монастыря, находившегося за шестьдесят верст от губернского центра. Всякий раз среди участников торжеств появлялись лица, разбрасывавшие в разных местах нелегальные издания. Яков Свердлов неизменно привлекал к этому брата Вениамина.

,,Малыш" занимался также сбором средств для покупки портативной типографии с каучуковым или гуттаперчевым шрифтом. Приобрести ее удалось в Пензе. ,,Хозяином" стал Николай Растопчин. Получил задание, связанное с переизданием ,,Манифеста Коммунистической партии" для распространения среди нижегородских рабочих. Но успел отпечатать всего пятьсот экземпляров первой страницы: был арестован. С ,,поличным" застали жандармы и его друга, тоже воспитанника механико-технического училища Ивана Калиновского, найдя у него на квартире гектографическую массу со следами оставшегося на ней текста революционного воззвания. Иван тоже оказался в тюрьме.

22 апреля 1903 года Якова Свердлова вызвали на допрос. Вели его ротмистр

Немчинов с помощником прокурора Виссарионовым. Вопросы задавал то один, то другой.

— Нам известно, что вы — член преступного сообщества, враждебно настроенного против царя, самодержавного строя. Кто еще входит в него? Где расположен руководящий центр?

— По-моему, произошла ошибка. Я не тот, за кого вы меня принимаете.

— Не отпирайтесь! Это бесполезно. Ведь улики неопровержимы...

— К сказанному мне добавить нечего.

— Хорошо. Вот протокол допроса. Ответы на заданные вопросы изложите собственноручно. Надеемся, это не затруднит вас. Создавать оригиналы для гектографа, должно быть, не в пример сложнее. Не правда ли?

— Я и на этот вопрос не могу ответить. С оригиналами, о которых вы говорите, дела иметь не приходилось. А что касается протокола — извольте. Писать умею.

Яков подвигает к себе чернильницу, окунает в нее перо. Одна за другой на казенную „бумагу" ложатся строчки: „1) Я не признаю себя виновным в принадлежности к противоправительственному сообществу, имеющему своей целью свержение самодержавия; 2) я также не признаю себя виновным и в том, что в течение последнего времени с января по апрель 1903-го года занимался в Н. Новгороде преступной пропагандой, выразившейся как в издании прокламаций, так и в распространении их. Найденные у меня при обыске и предъявленные мне 18 воззваний „Ростовская стачка", 2 листка

„Почему крестьяне волнуются", 1 (одна) — „Почему русскому рабочему нужна политическая свобода?", 2 экземпляра „По делу о демонстрации", 1 экземпляр „Заявления социал-демократической организации" принадлежат мне и к брату моему Вениамину никакого отношения не имеют. Чемодан, в котором они были найдены, тоже мой. Все эти прокламации были получены мной в 1-х числах марта для хранения от лица, назвать которое я не желаю. Никакого участия в издании как отобранных у меня прокламаций, так и в гектографировании других произведений, как, например, „Песен революции", я не принимал. В конце января 1903 года я не собирал денег на покупку типографии с гуттаперчевым шрифтом, из учеников механико-технического училища я никого не знаю. Никакого Растопчина я не знаю".

А на душе было тревожно. Свердлов признавался друзьям: „Я вообще терпеть не могу неизвестности и бесплодного ожидания..." Беспокоила судьба товарищей, оставшихся на воле. Яков написал из тюрьмы записку на имя Марии Щепетильниковой с предложением „очиститься". Но послание перехватили надзиратели. Одно это могло бы привести в уныние. Только поддаваться ему нельзя. Ни в коем случае нельзя! Сохранилась толстая клеенчатая тетрадь, которую в качестве своеобразного дневника вел Яков в дни тюремного заключения. Вот запись, исчерпывающим образом передающая настроение автора: „Куницкий, Свердлов, и Горбунов сидят вместе во второй каме-

ре. Живут они очень превосходно, а в особенности Яков Михайлович и Алексей Порфирьевич (имеется в виду чернорабочий Горбунов. — *В. П.*). Сии господа всегда находятся в очень хорошем расположении духа, потому что самим им не об чем беспокоиться. Один из них холост, а к другому всегда ходит невеста в жандармское управление и просит насчет свидания".

„К другому..."? Можно предположить, что, отмечая это, Свердлов имел в виду себя. Его, как узника, регулярно навещала Екатерина Шмидт. Еще недавно она училась на Высших женских курсах. За участие в революционной сходке отбыла пятимесячное заключение. Нижегородцам была известна как „домашняя учительница", зарабатывавшая на жизнь частными уроками. Среди социал-демократов считалась опытным пропагандистом. Потому-то и познакомилась со Свердловым. Встречались как соратники. А теперь вот пришлось сыграть новую роль. Так делали многие девушки-революционерки, приходившие на свидания с политическими заключенными специально, чтобы передать очередную информацию, нелегальную литературу, сведения, необходимые для ориентации на допросах, и т. д. Порой „невесты" и „женихи" впервые узнавали друг друга в столь необычной обстановке, но это ничуть не мешало живой и трогательной беседе „влюбленных".

Что можно узнать из клеенчатой тетради еще? Заведена она была на другой же день после ареста. На обложке выведено: „1-й тюрем[ный] зам[ок]". И указаны

одна под другой даты: „14-е апреля 1903 года, 14-е мая 1903 года, 14-е июня 1903 года". Они же повторены на следующей странице. Особо отмечено: „...я отправил письмо к Марье Алексеевне (имеется в виду Щепетильникова. — *В. П.*), но письмо, вероятно, не придет". Все записи хаотичны, бессистемны. Такой принцип ведения дневника диктовался условиями тюремной жизни. Любой надзиратель, заглянув в него, ничего бы не понял. На это и был расчет. А интересовало Якова многое: и астрономия, и математика, и история, и социология, и политическая экономия, и немецкий язык, и художественная литература... Все наглядно отразил дневник.

Занимаясь повышением образования, Свердлов того же требовал и от товарищей. Начал с соседей по камере. Вот как рассказывает об этом сидевший с ним некоторое время сормовский рабочий Г. Н. Котов: „Яков Михайлович на второй же день предложил нам не терять дорогого времени и начать с его помощью заниматься политической экономией. Я охотно изъявил согласие. Горбунов, немного поломавшись, тоже согласился. Каждый день мы предварительно выслушивали от Якова Михайловича краткое объяснение той главы, которую нам предстояло прочесть, а потом уж читали эту самую главу. Занятия проводились, должно быть, очень недурно, т. к. после каждого чтения мы шли дальше. В чтение книг Яков Михайлович внес некоторую систему. Он сам спрашивал у других книги и сам же определял, что мне дать вперед и чего совсем не да-

вать. Это в своем роде была для меня хорошая школа, и я это понимал, хотя, может быть, и не вполне".

Далее Г. Н. Котов приводит примечательный факт. Во время очередного допроса в жандармском управлении его спросили: с кем сидит в камере? Г. Н. Котов ответил: „С Горбуновым и со Свердловым".

— Ах вот оно что! Так это Свердлов вас там просвещает?.. Это не дело.

Тут же начальнику тюрьмы было дано распоряжение: „Взять все вещи Котова и перевести в корпус, в первую камеру". А к Свердлову подселили чертежника Куницкого из Сормова. Между ними сложились дружеские отношения. Впрочем, такими же они были у Якова и со многими другими политическими заключенными. Большую группу сормовских рабочих, которые тоже находились в тюрьме, Яков вовлек в своеобразный университет политических знаний. Вел занятия по политической экономии, информировал о текущих событиях, пользуясь газетами, которые всеми правдами и неправдами попадали к нему.

Летом 1903 года число томившихся в заключении пополнилось большой группой крестьян, арестованных „за политику". Событие было примечательное. Ведь основную часть политических узников составляли рабочие, студенты, интеллигенты. А тут — крестьяне. Яков встретился с новичками. Кто они? За что взяты под стражу? Бородачи отвечать не спешили, выжидательно переглядывались между собой. Наконец один из них, истово пере-

крестившись в закопченный угол камеры, хриплым голосом сказал:

— Вот тебе крест: богомольцы мы. Из Сарова... Пришли к мощам святого Серафима. А попали в тюрьму.

— Да как же это случилось?

— Так вот и случилось... Явились в Саров. Смотрим, валяются на земле листки. Собрали! Бумага хорошая, на курево может сгодиться. Вдруг ночью на постоялом дворе — обыск. Глянули стражники в наши котомки, увидели курительную бумагу и тут же всех нас сграбастали. „Вот, говорят, кто народ мутит". А сами все наши бумажки вертят. Крамола, мол! Только мы-то откуда знали, что крамола, если грамоте не разумеем.

Теперь Якову все было ясно. Подготовка к открытию мощей саровского монаха Серафима началась давно. Ожидалось, что в церковном мероприятии примут участие царь и царица. С этим связывалось огромное скопление народа. Нижегородский комитет РСДРП выпустил ряд листовок, в том числе такие, как „К саровским богомольцам", „Почему царь едет в Саров?", „Для чего царю нужны мощи?". Их-то и подобрали крестьяне, став без вины виноватыми. Яков принял близкое участие в судьбе арестантов: собрал для них через других заключенных кое-что из одежды, обуви. Не раз беседовал по душам. Уходя из тюрьмы, мужики усиленно чесали в затылках:

— Искали правду в Сарове, ан ошибка вышла. Нашли-то ее в другом месте.

Каждого готовившегося к освобождению из тюрьмы Свердлов начинал обраба-

тывать недели за три-четыре до наступления желанного срока. Если человек был свой, он заставлял его наизусть заучивать множество адресов, паролей, даже содержание будущих листовок. Надежная связь с волей требовалась постоянно. Некоторую помощь оказывали отдельные служащие тюрьмы. Обычно за плату. Но таких — единицы. Большинство относилось к политическим заключенным враждебно, больше всего не любили строптивых. А Яков был именно такой. Его чаще других сажали в башню.

Что она собой представляла? Каменный мешок, стены сырые, света мало. 15 мая 1903 года Свердлов пишет прошение прокурору, в котором, ссылаясь на боли в груди, просит перевести его из башни № 1 в барак, где содержался раньше. Действительно, накануне его осмотрел тюремный врач и признал здоровье никуда не годным. Прошение было удовлетворено. Барак после башни показался Якову благодатью. Но не надолго. Надзиратели все больше распоясывались, допуская даже рукоприкладство. Оставался единственный путь борьбы — голодовка. О начале ее стало известно губернатору. „Не уступать!" — было его распоряжение. Шел день за днем — нравы тюремных надзирателей не менялись. Яков мужественно переносил все тяготы. Стремился подбодрить товарищей, не давал никому упасть духом. И все-таки голодовка не удалась. Сказалась несогласованность действий между политическими заключенными, содержавшимися в башнях, и теми, кто был размещен в бараках. Находившиеся в оди-

ночках поддались на уговоры надзирателей и первыми начали принимать пищу. В клеенчатой тетради Якова по этому поводу появилась горькая запись: „18 июня начата голодовка в 2 часа дня. 30 июня прекращена с 1 часа дня (проиграна)".

5

Выбранная профессиональным революционером тактика поведения на допросах оправдала себя. Ротмистру Немчинову и помощнику прокурора Виссарионову не удалось доказать причастность Свердлова к „преступному сообществу". 11 августа 1903 года Яков был выпущен из-под стражи. Но права выезжать из Нижнего Новгорода не имел...

— Худущий-то какой! — ахнула Ольга Ивановна Чачина, когда увидела „Андрея-буревестника" снова на свободе. — Болен?..

— Пустяки! Немного кашляю.

— Надо подлечиться. Считай, что это тебе партийное поручение.

Пришлось обращаться к полицмейстеру с просьбой о разрешении пожить в селе Кстово, расположенном неподалеку от губернского центра. После многочисленных хлопот согласие было получено. Яков поселился у знакомых крестьян. Дышал свежим воздухом, пил парное молоко, усиленно занимался гимнастикой по довольно распространенной тогда системе Мюллера, рассчитанной на высокие физические нагрузки. Самочувствие заметно улучшилось. Через пару недель Свердлов снова появился перед О. И. Чачиной:

„Уже!" Это означало, что партийное поручение выполнено...

Нижегородские революционеры с нетерпением ждали известий о II съезде РСДРП. В августе 1903 года он завершил свою работу. Пройдет время, и Свердлов узнает о большевиках и меньшевиках, о развернувшейся между ними борьбе, которая была борьбой двух направлений социал-демократии: революционного и оппортунистического. Без колебаний он поддержит сторонников В. И. Ленина. Потому что всегда был с ними, не порывал этой связи никогда. Характерно, что в августе 1903 года, не зная еще о разногласиях, которые возникли на съезде партии, Яков принял участие в дискуссии с кожевниками-бундовцами — местными и приезжими, которые прибыли на Нижегородскую ярмарку из разных городов. И гости и хозяева выехали на левую сторону Волги, нашли укромное местечко в лугах близ Моховых Гор. От нижегородцев было около двадцати социал-демократов. Первыми взяли слово бундовцы. Подробно рассказав о кишиневском погроме, состоявшемся в пасхальную ночь весной 1903 года, они сделали вывод, что в этом повинны все русские, рабочие и крестьяне в том числе.

— Категорически возражаю, — прозвучал голос Свердлова. — Случившееся — результат национальной политики царизма, питающей дух черносотенцев.

Впоследствии Яков Михайлович писал: „Мне вспоминается, как в 1902 году (или это было в 1903 году) пришлось тут же после кишиневского погрома дискутиро-

вать с бундовцами. Я лично никогда не знал национального гнета, никогда не подвергался гонениям в качестве еврея. И в первые дни после кишиневского погрома я не испытывал ничего, что отделяло бы меня от настроений нееврейского населения. У бундовцев было иное... Их вывод был — отойти от этой массы, работать над воспитанием евреев, добиваться их самостоятельного существования как особой организации и т. д. Я видел выход в другом. В борьбе с общими условиями, через изменение которых придет и изменение отношения к евреям".

Позицию Свердлова на дискуссии единодушно поддержали все социал-демократы нижегородцы. Они квалифицировали политику Бунда как мелкобуржуазную, решительно отвергли возможность создания обособленных еврейских организаций. В том же месяце Якову довелось выступать перед сормовскими рабочими в Дарьинском лесу. Собралось около пятисот человек. Обсуждался смысл лозунга: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Как его следует понимать? Свердлов разъяснил:

— Классовые интересы рабочих разных государств одинаковы. Биться за их достижение надо общими силами. Советую повнимательнее следить за международными событиями. Давайте посмотрим, например, что происходит в нынешней Франции. Вождь социалистов Мильеран стал действовать заодно с палачом Парижской коммуны Галифе: вошел в состав французского правительства. Это ли не проявление оппортунизма? Думаю, что оно и нас

с вами касается. Предлагаю заклеймить презрением изменника Мильерана!..

Сормовичи единодушно поддержали оратора. Приняли резолюцию, в которой решительно осудили руководителей французских социалистов, пошедших на сговор с буржуазией, выразили искреннюю солидарность с пролетариатом далекой страны. По нелегальным каналам она была направлена в Париж. Кстати, так не раз делалось и раньше. Из Сормова в конце 1902 года удалось послать приветственный адрес французским углекопам в связи со всеобщей стачкой шахтеров. Адресом заинтересовалась редакция „Искры" — попросила себе копию. Снять ее поручили А. И. Пискунову, что он и сделал, правда не преминув оговориться в письме: „Это по просьбе сормовцев, лично же я, да и все остальные не сочувствуют этой затее, тем более что и возникла она не по собственной инициативе рабочих. Многое у себя под носом пропускаем, а французам посылаем адрес — это ничего нам не стоит". Свердлов считал иначе. Он, как профессиональный революционер, был против заземления, против заботы только о местных нуждах, стремился последовательно отстаивать идеи пролетарского интернационализма. В адресе видел одно из средств практического воспитания рабочей солидарности.

По-прежнему много внимания уделял Свердлов печатной пропаганде. В Сормове сумел создать типографию, разместив ее в доме братьев Барановых. Ставшая здесь наборщицей Е. Постнова рассказывает: „Типография была небольшая, в ней было всего двое рабочих. Тов. Свердлов

не раз приходил в эту типографию. В небольшом мешочке он приносил шрифты и учил нас, как нужно их раскладывать в коробочки" (наборные кассы. — *В. П.*). Да, примитивно. Но набранный шрифтом текст воспринимался лучше, чем написанный от руки, воспроизведенный гектографически. Конечно бы, надо иметь типографию в Сормове помощнее. А где для ее создания взять необходимую сумму денег? Как-то своей заботой Яков поделился с Максимом Горьким. Тот подумал и сказал: „Может, Федор поможет?" Он имел в виду Шаляпина, гастролировавшего в Нижнем Новгороде. Переговоры были успешными. Оперный певец нашел в личных средствах „резерв", которым готов был поделиться, разумеется, безвозмездно. Только и переспросил: „Действительно для приобретения типографского оборудования? И использоваться оно будет против царя? Ну, на это грех не пожертвовать..." Деньги, что обещал, принес с собой прямо в театр. Яков отправился за ними вместе с Максимом Горьким. Но по пути к ним „прицепился" филер. Пришлось и тут Федору Ивановичу „посодействовать". Он отвлек сыщика беседой о высокой роли искусства, заманив его к себе в артистическую уборную. Дочь артиста И. Ф. Шаляпина вспоминает: „...это дало возможность дорогим гостям отца незаметно покинуть театр". Деньги, однако, Свердлов успел получить, и они пошли на пополнение „техники" революционного подполья.

А вот чтобы купить билет на хорошее место в театре, личных сбережений вечно

не хватало. Приходилось обходиться галеркой. Яков смог посмотреть большинство представлений, в которых участвовал Ф. И. Шаляпин, пользуясь благосклонностью капельдинеров, пускавших на галерку по своей, минимальной „таксе". Так делали многие из его друзей. 1 сентября 1903 года состоялся заключительный спектакль знаменитого оперного певца. Публика не скупилась на овации, цветы, подношения. Был вручен артисту и небольшой футляр. В нем лежал миниатюрный серебряный веночек с дощечкой, на одной стороне которой было написано „Федору Ивановичу Шаляпину", а на другой — „от благодарных зайцев". Подарок изготовил Яков вместе с граверами из мастерской отца. А ведь было немало и других забот — куда более существенных...

Удалось, наконец, получить документы II съезда РСДРП. Можно было дать им принципиальную оценку. И Нижегородский комитет РСДРП сделал это, решительно поддержав позицию В. И. Ленина, осудив „всякие дезорганизаторские попытки, нарушающие цельность и единство в партийной деятельности". Такой подход целиком и полностью отвечал личной позиции „Андрея-буревестника". О том, почему в партии появились большевики и меньшевики, профессиональный революционер рассказывал рабочим социал-демократам постоянно. Одним из первых в нелегальном подполье он стал практиковать „летучие" митинги. Начало им было положено на Сормовском заводе. Очевидец вспоминает: „Образовывались „летучие" митинги у проходных калиток

и проводились обычно так: неожиданно в калитках получался затор, быстро скапливалась громадная толпа рабочих; на руках рабочих или на каком-либо возвышении появлялся Яков, заранее проведенный на завод. Пока давали знать в контору, пока раскачивалась стража, митинг успевали закончить, — сознательные рабочие окружали Якова плотным кольцом и прорывались вместе с ним прямо в ворота, минуя калитки".

Многих привлекали революционные сходки, которые регулярно проводились в Дарьинском лесу. На них собиралось по сто — сто пятьдесят рабочих Сормова. Об этом знали провокаторы, в том числе и портной Давид Пятницкий. Про его сотрудничество с полицией стало известно Свердлову. Может, помогла партийная контрразведка? Вот что удалось узнать из жандармского документа: Свердлов „пригрозил пропечатать Пятницкого в прокламации как шпиона". А он выводов не сделал, по-прежнему вел себя, как Иуда. Сормовские рабочие устроили самосуд: Пятницкий был убит. В связи с этим 18 сентября Свердлов опять оказался под арестом. Надзиратели тюрьмы зубоскалили:

— Видно, понравилось у нас? Милости просим!

Яков отмалчивался. На провокации не поддавался. А время шло. Одного за другим заключенных вызывали на допросы. Свердлова не беспокоили. 25 сентября он написал прокурору Нижегородского окружного суда письмо: „Сим имею честь донести до сведения Вашего Превосходи-

тельства, что я, будучи арестован по распоряжению жандармского управления на основании 29-й статьи „Положения о государственной охране", содержусь в 1-м тюремном замке с 18-го числа сего месяца. Я без всяких улик нахожусь под арестом сверх указанного 29-й статьей срока". В резолюции, датированной 30 сентября, говорится: „Объявить Свердлову, что срок по ст. 29 не истек".

Как ни ухищрялись следователи, а обвинить „Малыша" в терроризме не смогли. К смерти Пятницкого он не имел никакого отношения. А потому 12 ноября был выпущен на свободу. Вскоре пережил печальное событие: умер А. В. Яровицкий, здоровье которого подорвали мытарства по тюрьмам. Затем новая утрата: ушел из жизни сотрудник „Книжного музея" А. В. Панов. Причина смерти та же.

Подошел 1904 год. В январе началась русско-японская война. Предприниматели грели руки на связанных с ней заказах. Рабочим же — новые тяготы: заработки мизерные, продукты питания резко подорожали. Большевики, в том числе и Яков Свердлов, призывали к сплочению, к решительной борьбе с самодержавием. Но звучали и другие голоса — меньшевиков. Не надо, мол, горячиться, необходимо запастись терпением, следует постепенно копить силы, чтобы использовать их как можно расчетливее. „Андрей-буревестник" называл меньшевиков „мямлями", знал их наперечет — тем более что число их было невелико. В Нижнем Новгороде идеи меньшевизма отстаивали Грацианов, Чернов, среди сормовичей — Березин, Редозу-

бов. Правда, в политических дискуссиях с большевиками они вели себя агрессивно. Видно, брали пример с „Искры", которая после 52-го номера, когда из редакции ушел В. И. Ленин, стала полностью рупором меньшевиков, круто повернув вправо. Яков не узнавал газету. Каждая публикация в ней вызывала теперь чувство несогласия, чаще всего — протеста. Партия остро переживала состояние раскола.

Давало оно себя знать и в Нижнем Новгороде. Социал-демократы истинно революционного направления не боялись жертв, которыми пугали меньшевики. Шли на них смело, отстаивая правое дело. Таким показал себя Николай Растопчин, другие товарищи, представшие перед судом за причастность к „преступному сообществу", связь с которым „Малыша" ни ротмистр Немчинов, ни помощник прокурора Виссарионов так и не смогли подтвердить. Согласно приговору многих отправили в ссылку в Архангельскую губернию, а Якову Свердлову было объявлено, что в силу „Высочайшего повеления, последовавшего 11 февраля 1904 года по всеподданнейшему докладу Министерства юстиции" он подвергается гласному надзору сроком на два года, жить должен при отце.

Ольга Ивановна Чачина предупредила:

— Хотят усыпить бдительность. Будь начеку!

И оказалась права. Уже 26 февраля в дом к Свердловым нагрянула полиция. Якова, правда, застать не удалось. Но его вещи непрошеные гости перетрясли основательно. Рылись в книгах, листали записи, только ничего обнаружить не смогли.

Гласный надзор превратился в настоящие путы для профессионального революционера. Без ведома губернского жандармского управления нельзя было сделать ни шага. Как избавиться от „опеки"? Якову пришла мысль: снова под видом необходимости лечения отправиться в село Кстово. Пришлось написать губернатору прошение, чтобы добиться разрешения на это. Тот поинтересовался мнением полицмейстера. А оно было совершенно не в пользу ходатая: „...состоящий под гласным надзором полиции в г. Н. Новгороде мещанин Яков Свердлов ведет самые деятельные сношения со всеми поднадзорными лицами; он опасный пропагандист-революционер, всюду вращается в среде политически неблагонадежных лиц и состоит членом вредного в политическом отношении кружка; по негласно собранным сведениям, он руководит делом разбрасывания прокламаций, вообще, судя по наблюдениям и негласным сведениям, Яков Свердлов самого вредного направления человек". Понятно, что перебраться в Кстово не удалось. Губернатор отклонил прошение, наложив резолюцию: „Нет оснований".

Вроде бы и надеяться больше не на что. Но жизнь полна неожиданностей. 11 августа 1904 года газеты опубликовали „Высочайший манифест": по случаю рождения в царской семье наследника была объявлена амнистия. Согласно ей Свердлова досрочно освободили от гласного надзора. Но негласный по-прежнему сохранялся. Сыщики постоянно следили за „Малышом", как, впрочем, и за многими други-

ми революционерами. Не упускали из виду, например, Н. А. Семашко, поселившегося в Нижнем Новгороде с 1904 года, вошедшего в состав комитета РСДРП. Якова часто видели вместе с ним — обычно на набережной Волги, где оба любили погулять. Иногда „Малыш", как отмечали агенты полиции, заходил на квартиру к Н. А. Семашко. Посетил ее, в частности, 1 ноября 1904 года. Дата зафиксирована неслучайно. Дело в том, что у Н. А. Семашко поселился неизвестный, с которого филерам было велено не спускать глаз. Он приехал почтовым поездом и с железнодорожного вокзала сразу же направился к Н. А. Семашко. На улицу не выходил ни разу. Сидит затворником. А ведь, как было сказано филерам, неизвестный является „видным деятелем наблюдаемой в г. Ярославле группы „Северного комитета Российской социал-демократической рабочей партии". Значит, должен же с кем-то общаться. Так вот, пожалуйста, „Малыш" сам прибыл к нему. Да и кое-кто из „поднадзорных" тоже. Совещание?.. Да, именно так. Филеры оценили обстановку правильно. Якову человек, привлекавший внимание охранки, представился просто:

— Я — Александр Андреевич Титоренко. Имею поручение от Северного бюро ЦК РСДРП встретиться с вами. Есть возможность уехать из Нижнего Новгорода. Как на это смотрите?

— Положительно. От сыщиков житья нет. Хочешь не хочешь, а переселяться надо. Куда вот только?

— Об этом вам скажут в Москве...

Зовущие дали

1

Письмо предназначалось: „Г-ну N”. Отправлено было из Костромы в Германию по адресу: „Фридберг (Гессен), Вахерштрассе, 13”. Вверху дата — „22 ноября 1904 года”. Внизу подпись — буква „Я”. 3 декабря в департаменте полиции с письма сняли копию. Заинтересовало его содержание:

„В Москве, как тебе, вероятно, известно, я пробыл день и с вечерним поездом отбыл к конечной цели своего путешествия — Ярославль. Но тут мне пришлось пробыть всего трое суток, по прошествии коих я отправился в Кострому, где в данный момент и пребываю. Я поселился здесь в качестве „профессионала” по поручению Северного комитета, в состав которого входит и Кострома. Дела здесь много, а народа почти нет. Кроме меня, всего 3—4 человека, из которых только один может идти в расчет. Екатерина еще не приехала, приедет на днях. Я пока нанял квартиру, обзавелся мебелью, так что думаю жить здесь не хуже, чем в Нижнем. Вообще чувствую себя довольно бодро; иногда жаль Нижнего, но все же я доволен, что уехал, ибо там я не мог расправить крылья, а я думаю, они у меня имеются; там учился работать, сюда же приехал уже ученый и имею широкое приложение всех своих сил. Шпиков и здесь теперь довольно много

(после крупных волнений 1903 года их ввели здесь в большом количестве), но умом они не отличаются, как я уже успел заметить".

Автора письма интересовал ряд революционных изданий. Он просил „Г-на N" переправить их ему. С этим, очевидно, связывалась строчка: „Пиши, сколько тебе выслать денег и каким образом". „Мой адрес: Кострома, Русина ул., Екатерине Васильевне Королевой, свой дом".

Начальник Костромского губернского жандармского управления получил из департамента полиции предписание, согласно которому должен был выявить негласным путем личность неблагонадежного лица, имя или фамилия которого начинается буквой „Я". Особо подчеркивалось, что неизвестный прибыл в Кострому недавно, по-видимому из Нижнего Новгорода, и явно с конспиративным поручением от Северного комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Следовало не только „рассекретить" его, но и уточнить, с кем налажены контакты, на что они направлены и т. д. Все, казалось бы, растолковано исчерпывающим образом.

Но не зря отзыв в письме о местных „пинкертонах" был скептический. 12 января 1905 года начальник Костромского губернского жандармского управления ответил департаменту полиции, что обнаружить подозрительную личность, имя или фамилия которой начинается на „Я", не удалось. А 8 февраля от него же поступило донесение: агентура обнаружила приехавших из Нижнего Новгорода полоцкого мещанина Я. М. Свердлова и дочь статско-

го советника Е. Ф. Шмидт, которые завели знакомства с политически неблагонадежными лицами. При этом жандармский чиновник не давал себе труда сопоставить свои собственные данные и предположить, что таинственный „Я" это и есть Яков Свердлов. Допущенный просчет был обнаружен в департаменте полиции. Виновному указали на недостаточную вдумчивость при исполнении служебных обязанностей.

Но факт остается фактом: почти три месяца „Андрей-буревестник" был предоставлен самому себе, мог действовать так, как находил нужным, — без всякого контроля со стороны филеров. Они о нем просто не знали. Появилась возможность жить с полной нагрузкой, а именно об этом он всегда мечтал. Особенно это было важно теперь, когда барометр общественной жизни предвещал грозовую атмосферу: приближалось начало первой русской революции. Яков дорожил временем. Это видно и по его письму, копия которого изучалась в департаменте полиции. Кстати, кому оно адресовалось, так и осталось секретом. Может, Владимиру Лубоцкому[1]? Известно, что именно в это время он бежал из Сибирской ссылки, смог перебраться за границу, находился в Германии. Во всяком случае, письмо предназначалось человеку близкому, хорошо знакомому, имевшему какой-то способ быть уведомленным о том, что Яков побывал в Москве, куда выехал по-

---

[1] В дальнейшем его партийный псевдоним — Загорский. Погиб в 1919 г., будучи секретарем Московского горкома партии. Стал жертвой террористического акта, совершенного эсерами.

ездом из Нижнего Новгорода 13 ноября 1904 года.

То, что путь лежал через Белокаменную, не случайно. Здесь располагалось Северное бюро ЦК РСДРП, руководившее Московским, Петербургским, Тверским, Нижегородским, Северным и Рижским комитетами партии, обеспечивавшее их связь с большевистским заграничным центром. С кем из его членов встретился Свердлов — неизвестно. Это мог быть и Н. Э. Бауман, и П. А. Красиков, и Е. Д. Стасова, и Ф. В. Ленгник, входившие в состав Северного бюро ЦК РСДРП. Одно ясно: много времени для уточнения дальнейшего маршрута не потребовалось.

Путь из Москвы лежал в Ярославль, где обосновался Северный комитет РСДРП, объединявший Ярославскую, Костромскую, Владимирскую и Вологодскую губернские партийные организации. В одной из них и предстояло осесть Свердлову. 15 ноября он прибыл к новому месту службы. Зашел в редакцию легальной либеральной газеты „Северный край", где смог повидаться с ее ответственным секретарем, одним из членов Северного комитета РСДРП, В. Р. Менжинским. Через тринадцать лет они будут вместе закладывать основы первого в мире Советского государства рабочих и крестьян (Вячеслав Рудольфович не без участия Свердлова был назначен наркомом финансов РСФСР). А пока они внимательно приглядывались друг к другу. Предстояло многое обсудить, взвесить. Ну а о главном В. Р. Менжинский сказал сразу же:

— Слабое место у нас — Кострома. Ны-

нешним летом там арестовали многих социал-демократов. Надо все начинать как бы заново. Возьмешься?..

— Да, конечно. А на что мне следует обратить особое внимание?

— Северный комитет РСДРП решительно осуждает раскольнические действия меньшевиков. Интригам, групповщине, закулисной борьбе пора положить конец. Потому-то мы и приняли резолюцию, в которой настаиваем на необходимости скорейшего созыва III съезда партии: к захваченным оппортунистами ЦК и ЦО — полное недоверие. Решительно поддерживаем деятельность литературной группы, сплотившейся вокруг товарища Ленина. В Швейцарии состоялось совещение двадцати двух большевиков. Оно наметило реальные меры к объединению рядов социал-демократов, которые изложены в обращении „К партии”. Теперь вот и надо воплотить их в реальность. Всюду, не исключая Костромы. Ясно?..

Об этом же Якову сказали и остальные члены Северного комитета РСДРП. На встречи с ними, как узнаем из письма, ушло три дня. 19 или 20 ноября Свердлов появился в Костроме. Обстановку оценил быстро и всесторонне. То, что шпионы глуповаты (очевидно, в сопоставлении с нижегородскими. — *В. П.*) порадовало. А вот почти полное отсутствие надежного народа — достаточно подготовленного, способного действовать — огорчило, хоть и был готов к этому: предупреждали же в Ярославле... Единственная опора — Николай Соколов. Худощавый человек с одухотворенным лицом российского интеллигента,

он сразу же понравился Якову. Социал-демократом стал, когда учился в ярославском Демидовском лицее. Расстаться с лицеем пришлось из-за неблагонадежности. С Костромой связывал гласный надзор полиции. Чем занят?..

— Руковожу нелегальным кружком, созданным из числа старшеклассников реального училища. Есть кое-какие связи с рабочими... Вот, пожалуй, и все!

Николай смущенно опускает глаза. Сам видит: отчет скудноват. Еще беднее был он у Юлии Горской, Анны Барсовой, Ревекки Шеппер, составлявших ядро социал-демократической организации. Имея надежных людей среди некоторой части интеллигенции, они почти никого не знали из пролетариев. А ведь их в городе не мало: свыше пятнадцати тысяч. Заняты в основном на текстильных предприятиях. Правда, наиболее сознательная, боевая группа арестована. Многие попали в тюрьмы после майской стачки 1903 года, поддержанной большинством рабочих Костромы. Свирепствовала жандармерия и летом 1904 года. Число социал-демократов среди мастеровых оказалось мизерным.

— На кого же все таки можно положиться из числа мастеровых? — допытывался Свердлов.

Николай Соколов как абсолютно надежного назвал рабочего прядильной фабрики Зотова А. А. Симановского. Это давало некоторую зацепку. И Яков сразу же ухватился за нее:

— Помоги встретиться!

Алексей Александрович Симановский оказался кряжистым, широкоплечим муж-

чиной. По возрасту вдвое старше представителя Северного комитета РСДРП. А общий язык наши быстро. Рабочий скептически отозвался о местных интеллигентах: „Сторонятся нас. Вроде бы как замараться боятся. А хорошо бы объединиться!" Свердлов подумал: „Вот же в корень человек смотрит. И никакой агитации не требуется..." Сразу сказал:

— Я такого же мнения. Готов помочь. Соберите-ка самых близких людей. Вместе и посоветуемся... Где лучше всего это сделать?

— А хотя бы и у меня. Дом свой. На Старотроицкой улице любой покажет. Завтра, думаю, и можно встретиться. Я вас найду...

Об этой сходке вспоминает сын А. А. Симановского — Алексей. Вместе с братом Григорием он работал в наборном цехе типографии Андронниковой. Вечером ждали отца, чтобы поужинать. А он явился не один. Привел с собой слесаря Александра Гусева, тоже „зотовца", и молодого черноволосого человека в пенсне. Незнакомец спросил:

— Вы, ребята, чего такие угрюмые сидите? Чем занимаетесь?

— Типографские. Руки вот едва отмыть успели, чтобы за стол сесть.

— Ну, сочувствую. Ваша профессия мне знакома...

Подошло еще несколько рабочих. Все прошли за занавеску в заднюю комнату. А сыновей отец попросил погулять во дворе: „Смотрите, как бы лишних глаз не было..."

После массовых арестов, жаловались собравшиеся, пропала вера в собственные си-

лы. Вроде бы и надеяться не на что... Хандра заела.

— Каждому в отдельности с этим не справиться, — заметил А. А. Симановский. — Надо бы объединиться в кружки. Только где взять пропагандистов?

— Об этом я позабочусь,— сказал Яков.— Силы найдутся...

2

В Кострому из Нижнего Новгорода приехала Екатерина Шмидт. Яков ждал ее (это видно из письма, заинтересовавшего департамент полиции). Встретил на железнодорожном вокзале. Чемодан едва поднял.

— Книги?

— Ну конечно. Самые нужные...

Да, социал-демократическая литература была необходима в первую очередь для пропагандистов. Свердлов подобрал их в основном из учащейся молодежи. Был очень рад появлению в Костроме бывшего студента Московского университета — степенного, рассудительного П. Н. Караваева. Сразу же предложил ему готовиться к руководству одним из кружков рабочих-текстильщиков. Привлек к этому Николая Соколова, часть из связанных с ним реалистов. П. Н. Караваев вспоминал: „Занятий в рабочих кружках нам до сих пор вести не приходилось. Мы сомневались в своей подготовленности. Но Яков Михайлович легко опроверг наши доводы, указав, что мы уже работали в студенческих кружках и еще раньше в ученической организации и достаточно знакомы с марксистской литературой".

Представитель Северного комитета РСДРП сам прочитал пропагандистам курс лекций, рекомендовал каждому внимательно изучить такие произведения В.И. Ленина, как „Развитие капитализма в России", „Задачи русских социал-демократов", „К деревенской бедноте" и ряд других, считал, что надо хорошо знать Программу партии... Теоретическая подготовка заняла всего несколько дней. Свердлов спешил, вовлекая в свой интенсивный ритм жизни всех, с кем был связан непосредственно. „После этого, — отмечает П. Н. Караваев, — он провел с нами нечто вроде семинара, убедился, что мы достаточно подготовлены к порученному делу, подбодрил нас, рассказал несколько эпизодов из своего опыта пропагандистской работы". И нелегальные кружки начали действовать. Их удалось создать на фабриках Царевского, Толстопятова, Зотова, Кашина, в воинских частях, учебных заведениях.

Не у всех пропагандистов дела шли одинаково хорошо. Кое-кто сетовал на невнимание со стороны слушателей. Легче всего это было объяснить их низкой культурой, отсталостью, леностью мысли, интеллектуальной спячкой. Но Свердлов подобные толкования категорически отвергал.

„Побольше зоркости! Учитесь из повседневных, будничных наблюдений делать серьезные, принципиальные обобщения!"— призывал Свердлов. Сам он к фактам, которые подмечал, относился бережно. Все, что видел, брал на заметку. Об этом можно судить по воспоминанию одного из подпольщиков-костромичей — А. М. Победоносцева. Как-то Свердлов зашел к нему на

квартиру. Решили выпить чаю. На кухоньку, где расположились, заглянул отец А. М. Победоносцева. Возник разговор о забастовках, которые прокатились по предприятиям Костромы минувшим летом. „Да и как же не возмущаться рабочим? — сказал Победоносцев-старший. — Лично я служу на табачной фабрике Чумаковых акцизным контролером. Своими глазами вижу, как обкрадывают хозяева рабочих. За девяти-десятичасовой труд выплачивают 40—45 копеек. На эти деньги одному не прожить. А ведь каждому надо семью кормить... Я уж не говорю про условия работы: воздух такой, что непривычный человек угорает буквально через два часа..." Потом, помолчав, он перевел взгляд на студенческую тужурку гостя, подобную тем, какие носили семинаристы, и сказал: „Я тоже окончил духовную семинарию, но по духовному ведомству не пошел. Не советую и вам: нет нынче в народе веры". Яков улыбаясь ответил: „Я согласен с вами. Работать по духовному ведомству не думаю..." А при очередной встрече с пропагандистами рассказал об этом эпизоде, предложил во всех нелегальных кружках провести занятия на тему „Из чего складывается капиталистическая прибыль" с обязательным использованием примеров, характерных для табачной фабрики: „Уж очень они типичны".

Как-то, встретив П. Н. Караваева, Яков спросил:

— Печатать листовки когда-нибудь приходилось?

— Нет, дело мне не знакомое.

— Ну, значит, освоишь...

Пришлось П. Н. Караваеву учиться гектографированию. Консультантом был Свердлов. Он же и квартиру подобрал. Текстами листовок, прокламаций снабжал сам. За ночь удавалось напечатать несколько сотен экземпляров. Такое же поручение имела С. К. Загайная. Она была домашней учительницей. Днем давала детям платные уроки, а ночью сидела над гектографом. П. Н. Караваев подчеркивает: „Ее специальностью был выпуск прокламаций и листовок костромской группы Северного комитета". Впрочем, то же самое можно сказать и еще об одной домашней учительнице — Е. В. Кравченко, которая жила за пределами Костромы — в усадьбе А. Г. Колодезникова. Хозяин поместья, исключенный за участие в студенческих беспорядках из Московской сельскохозяйственной академии, создал ей все условия для выпуска „синих листков". У него же удалось разместить и шрифтовую типографию, добытую Свердловым. „Нелегальщина" стала наводнять город. Начальник губернского управления был в отчаянии. Не хватало сил бороться с крамолой...

Часто, выкроив свободную минутку, Яков приходил на берег Волги. Скованная ледяным панцирем, она и зимой поражала широтой, простором. За рекой живописные, неоглядные дали. Вспоминались Некрасов, Гейне, другие поэты. Свердлов был убежден, что стихотворения способны лечить душу, и пользовался этим испытанным средством, когда приходилось переживать испытания. Вот и сейчас. Легко ли пережить арест Николая Соколова, Софьи Загайной?.. Понятно, что без жертв не обой-

тись. Но важно, чтобы их было как можно меньше. Предвосхищать неожиданности, страховаться от них — прямая обязанность профессионального революционера. Он никогда об этом не забывал. И все-таки рисковать приходилось...

Земцы-либералы решили отметить сорокалетие судебной реформы Александра II. На 8 декабря назначили банкет в гостинице „Москва". Входные билеты платные, дорогие — по 2 рубля 25 копеек. Тем самым фильтровался возможный состав участников. Предполагалось, что вместе соберутся лишь люди состоятельные, объединенные общими интересами. В своем кругу можно было бы поговорить и о желательности конституционной монархии, и о соответствующих ей политических свободах...

Свердлов заинтересовался этим легальным мероприятием. Почему бы не использовать его для пропаганды идей большевизма? Пришлось объявить среди сочувствующих революционному движению сбор средств, которые требовались для приобретения входных билетов. Деньги появились. Их хватило на то, чтобы из трехсот участников банкета почти третью часть составили рабочие, студенты. Одетые в пиджачки, тужурки, они резко выделялись на фоне изящных фраков и белоснежных сорочек.

Тон разговору задали устроители банкета. Одна за другой произносились речи во славу „великих реформ" Александра II, которыми ознаменовались шестидесятые годы минувшего века. Ораторы были единодушны в том, что и теперь многого мож-

но добиться по демократизации общественного устройства, используя мирные средства. Робкие пожелания высказывались сдержанно, иносказательно, полунамеками.

Но вот по знаку Свердлова слова попросил рабочий В. А. Козлов. Он заговорил о русско-японской войне: ради чего на полях Маньчжурии гибнут люди, кому нужна бессмысленная бойня, тяготы которой ощутимы не только на фронте, но и в тылу: заработки низкие, жить приходится впроголодь... Учитель мужской гимназии В. В. Голубков, социал-демократ, большевик, углубил тему, подчеркнув, что царское правительство реакционно в своей сути, проводит бесчеловечную, антинародную политику. Наконец, раздался могучий бас Свердлова. Все услышали о революции: без нее не обойтись. Об этом знают и буржуазные либералы. У них свои планы, надежды. Ждут удобного момента, чтобы крепче утвердиться, защитить собственные классовые интересы. Рабочие и крестьяне должны об этом помнить, им не нужны лжесоюзники. Надо готовиться к вооруженному восстанию, чтобы вся полнота власти перешла к трудовому народу. Ближайшие цели: повсеместное введение восьмичасового рабочего дня, конфискация помещичьих земель...

Жандармов на банкете не было. Потому-то и избежал Свердлов ареста. Но то, что он сказал публично, сразу же стало известно всей Костроме. Легальное мероприятие превратилось в крупное политическое событие, на что и рассчитывал профессиональный революционер, пренебрегая собственной безопасностью.

Наступил новый, 1905 год — год двадцатилетия Свердлова.

Тяжелая весть пришла из Петербурга, где 9 января царские войска с оружием в руках выступили против мирной демонстрации. Об этом сразу же узнала вся Россия. В Костроме местная группа социал-демократов откликнулась на драматическое событие прокламацией, в которой разоблачалась политика монарха, всей его свиты. Тираж прокламации составил четыре тысячи экземпляров. Состоялись митинги-протесты, массовки рабочих. Особенно многочисленными они были в лесу у деревни Высоково, на Запрудне и близ реки Костромки. Яков присутствовал почти всюду, где не по-зимнему пахло грозой. Он звал к решительной борьбе с самодержавием, убеждал: „Пришло время активных действий. Не упустите его!"

Вскоре пролетарская Кострома бурлила. Первыми начали забастовку рабочие фабрик Чумаковых и Зотова. Потом остановились станки и на других предприятиях. Свердлов непосредственно руководил стачкой. К 6 февраля в ней приняло участие около четырех тысяч человек. Это был большой успех всей Костромской социал-демократической группы, сложившейся заново менее чем за три месяца. Доказав свою боеспособность и зрелость, она вскоре выделилась в самостоятельный комитет РСДРП.

3

Про Екатерину Васильевну Королеву, свою домашнюю хозяйку, Яков всюду говорил:

— Сердечная женщина. Настолько же добра, насколько и бесхитростна...

И действительно, секретов таить она не умела. Как-то раз сообщила квартиранту: „Заходил ко мне мужичок. Все про вас расспрашивал: кто, мол, такой, чем занят... А я и ответила: „Не знаю. В чужие дела лезть не привыкла!” Ушел недовольный, даже, пожалуй, сердитый”. Яков сразу же понял: началась слежка. Судьбу искушать не стал. Через день выехал в Ярославль. Но и там не смог ускользнуть от филеров. Правда, личность его они установить не могли. В донесениях называли „неизвестным, прибывшим из Костромы”. Пока разбирались, наводили справки, „неизвестный” исчез. Отправился вроде бы в Нижний Новгород. Агентурные данные, которыми пользовались филеры, оказались довольно точными. Да, Яков заглянул в родной город, но лишь попутно. Ехать следовало дальше — в Казань. Эту установку получил он от Бюро комитетов большинства, появившегося на исходе 1904 года как организационный центр в России, взаимодействовавший с Заграничным отделом ЦК РСДРП. Задача почти такая же, какую решал в Костроме: революционное подполье разгромлено, надо восстановить... Срок? Чем быстрее, тем лучше.

Казань — это снова Волга со своими далями и просторами. Но на них и полюбоваться-то было некогда. Требовалось повидаться со многими людьми. Когда предлагали взять извозчика, Яков отшучивался: „...Ходок я хороший, ноги крепкие”. А всерьез объяснял: „Когда иду пешком, легче замечаю за собой слежку”.

Далеко не каждая встреча радовала. Случались и пустые, никчемные. Одни разуверились в своих силах, спасовали, другие боялись новых жандармских погромов, держались неприметно, лишь бы уцелеть. Но признаться в этом стыдно. Вот и выискивалась какая-нибудь зацепка, чтобы уйти от делового, конкретного разговора. Юный возраст представителя Бюро комитетов большинства позволял некоторым сказать: „Знаешь, яйца курицу не учат"...

Впрочем, большинство встреч оказалось удачными. Живой обмен мнениями состоялся у Якова с энергичным, предприимчивым И. А. Саммером, всесторонне образованным, тонко мыслящим В. В. Адоратским, метким в наблюдениях и оценках В. М. Лихачевым, подвижным, неутомимым С. А. Лозовским, темпераментным, порой излишне горячим Н. И. Дамперовым, рассудительным и аналитичным Х. М. Ямашевым. Из их состава и был создан новый комитет РСДРП. 20 марта он принял резолюцию, в которой резко осуждался меньшевизм, отстаивалась необходимость быстрейшего созыва III съезда РСДРП. Правда, Яков на этом заседании не присутствовал. Выполнив поручение Бюро комитетов большинства, он снова вернулся в Ярославль.

Некоторое время редактировал „Бюллетень Северного комитета" — так назывался нелегальный вестник, благодаря которому поддерживалась взаимосвязь между партийными организациями большого региона. Но снова привлек к себе внимание агентов охранки. На этот раз они смогли точно узнать имя и фамилию „неизвестно-

го лица, действовавшего прежде в Костроме". В дневнике наблюдений, который вели филеры, отмечалось, что Я. Свердлов близок во взаимоотношениях с такими „неблагонадежными", как В. Р. Менжинский, Н. И. Подвойский, Н. А. Дидрикиль. Особо выделялось: „Часто бывает в рабочих кружках, постоянно посещает массовки и сходки". Тщательно описаны приметы: „Лет 20-ти, роста ниже среднего, носит светлое пенсне, одет в пальто с меховым воротником, шапка — полупапаха..." Дана и ярославская кличка — „Бегун": постороннее внимание Свердлов замечал немедленно, всегда находил способ, чтобы от него избавиться.

У Северного комитета РСДРП появилась своя типография. Лишь спустя годы стало известно, что добыть ее сумел Свердлов. Помогли нижегородцы, не только купившие печатный станок у предпринимателя Рождественского, но и переправившие громоздкий груз в Ярославль. Непосредственное отношение к этой операции имел один из давних друзей Якова рабочий-полиграфист А. Прокофьев. Он же участвовал в установке типографского оборудования, его отладке, оказав Северному комитету РСДРП значительную услугу. Правда, пришлось расстаться с Нижним Новгородом на несколько месяцев. Яков, ничего не объясняя, просто сказал: „Поедешь со мной!" Отказать ему А. Прокофьев не мог. Раз надо — значит надо. Готов был отправиться хоть на край света. Ну а командировка оказалась не столь уж и далекой.

Между тем филеры становились все назойливее. „Бегуна" Ярославское губерн-

ское жандармское управление включило в „список лиц, ликвидация коих была бы желательна в виде предупредительной меры" накануне приближавшегося Первомая. Свердлов почувствовал опасность. Распрощавшись с товарищами из Северного комитета РСДРП, он поспешил выехать в Нижний Новгород. С какими полномочиями? В каком качестве? Косвенный ответ на эти вопросы содержится в воспоминаниях жены члена Нижегородского комитета РСДРП И. В. Цветкова — Е. Цветковой: „У нас на квартире одно время была явка для Ц.-к.-истов, в том числе был и Яков Свердлов". Выполняя важную роль, Я. Свердлов взаимодействовал одновременно с тремя комитетами РСДРП — Северным, Нижегородским, Казанским.

Революционный накал возрастал. „Буря! Скоро грянет буря!" У многих на устах было это горьковское пророчество. Не уставал повторять его и Свердлов. Случалось, за день он успевал побывать в нескольких, далеко расположенных друг от друга местах, встречаясь с рабочими. Вот характерный пример, который приводит Н. А. Семашко, рассказывая об одной из весенних массовок: „Оратор не являлся. Я уже приготовился было к выступлению, как вдруг, запыхавшись, прибежал Яков Михайлович, и полился его бас на всю опушку леса... Массовка наша, как и большинство массовок в то время, не окончилась мирно: узнала полиция, и конный отряд жандармов налетел на нас". Свердлов сразу же смог скрыться. Лес служил надежной защитой.

Однажды митинг был устроен на Волге. Участники его расположились в лодках. Среди них и Яков. Но вот он увидел, что на берегу собралась огромная толпа народа. Сразу же предложил: „Давайте причалим. У нас ведь секретов нет". Митинг продолжили у железнодорожного моста через реку. О размахе нараставших повсеместно в России революционных событий рассказал один из соратников Свердлова — большевик М. Ф. Владимирский, который в конспиративных целях загримировался под старика. А потом и Яков взял слово. Говорил, как вспоминает сормовский рабочий И. Д. Чугурин, о бесславной войне с Японией, нужной капиталистам для выкачивания сверхприбылей и крайне обременительной, тягостной с точки зрения каждой трудовой семьи, подчеркнул огромное значение пролетарской солидарности, призвал к решительным действиям, связанным с подготовкой вооруженного восстания. После митинга рабочие с красным знаменем, распевая революционные песни, вышли на главную улицу Сормова. Путь им преградил конный отряд полиции. Завязалась перестрелка. Демонстранты силой пробили себе дорогу...

Той же ночью Свердлов на пароходе отправился в Казань. Там и встретил последний день апреля. Снова была маевка. Провести ее удалось неподалеку от города, в безопасном месте. Об этом позаботился надежный помощник Якова рабочий-большевик Н. Н. Накоряков, получивший основательную марксистскую подготовку в нелегальных кружках.

С маевки возвращались поздно вечером на лодках по реке Казанке. Пели „Варшавянку", „Смело, товарищи, в ногу"... Полицейские растерянно бегали по топкому, болотистому берегу, но ничего сделать не смогли. А когда с лодок грянул револьверный залп, то и вовсе исчезли. Ночевал Свердлов в доме на улице Луговой, где жил Н. Н. Накоряков, который вспоминает: „...в эту ли ночь или же в другую у нас с Яковом Михайловичем был большой разговор — один из тех разговоров, которые запоминаются на всю жизнь. Из этого разговора я узнал, что Яков Михайлович приехал в Казань, чтобы поговорить с местными товарищами об организации крепкой группы большевиков, которые поехали бы на Урал и развернули работу в этом крупнейшем промышленном районе. Это был большой план, с дальним прицелом".

Ясно, что Свердлов действовал по поручению Бюро комитетов большинства. Он уже не раз доказал свое умение безошибочно разбираться в людях, каждого мог оценить объективно, по достоинству, а в соответствии с этим и дело подобрать подходящее. Считал так: „Жизнь сложна, многообразна. Но в то же время можно идти к одному и тому же различными путями. И важно всякому человеку найти именно свой путь. Только тогда он сможет достигнуть максимальных результатов, сможет получить удовлетворение от своей деятельности". Разве не благородно содействовать этому?..

Социал-демократы знали, что в Лондоне открылся III съезд РСДРП. Проходил он с 12 (25) апреля по 27 апреля (10 мая)

1905 года. Нараставшую революцию охарактеризовал как буржуазно-демократическую, отметив, что главной движущей силой в ней является рабочий класс, а его основным союзником — бедняцкая часть крестьянства. Съезд рассмотрел вопрос о вооруженном восстании, об отношении к тактике правительства накануне переворота, о временном революционном правительстве, об отколовшихся от партии меньшевиках, ряд других проблем. Вскоре после съезда образовались две части Центрального Комитета — российская и заграничная. В соответствии с этим было создано два бюро ЦК РСДРП. Непосредственное руководство партийной работой в России осуществляло Русское бюро ЦК, находившееся в Петербурге. Обеспечив созыв III съезда РСДРП, Бюро комитетов большинства прекратило свое существование. Оно передало полномочия новому органу. С этого времени Я. Свердлов стал выступать как представитель Русского бюро ЦК.

На исходе мая в Москву съехались делегаты большевистской конференции. Предстояло обсудить итоги III съезда РСДРП, его резолюции, меры по дальнейшему сплочению революционных сил. О том, что 25 мая Я. Свердлов выехал из Нижнего Новгорода в Москву почтовым поездом, стало известно полиции. Тут же была отправлена срочная телеграмма начальнику Московского охранного отделения со словами „благоволите принять"... Впрочем, сделать это не удалось. Когда поезд приближался к перрону Московского железнодорожного вокзала, с подножки последне-

го вагона соскочил пассажир — невысокого роста, в пенсне.

Сколько дней пробыл Я. Свердлов в Москве, неизвестно. Вполне вероятно, что именно здесь встретил он свое двадцатилетие. Но это всего лишь предположение. Юбилей мог быть отмечен и по возвращении Я. Свердлова в Нижний Новгород. Символичен сам факт: круглая дата пришлась на 1905 год — год начала первой русской революции. Случайность? Да, конечно. Но за ней скрыта определенная закономерность, которая предопределила судьбу Я. Свердлова.

Поистине молодость измеряется не одними только годами. Судить о ней надо по делам. А у Я. Свердлова они были не по возрасту значительными, вескими. Это видели все, кто с ним встречался и сотрудничал.

О решениях большевистской конференции Я. Свердлов доложил членам Нижегородского комитета РСДРП. Особо подчеркнул значение возросшего повсеместно числа политических стачек, свидетельствующих в пользу крепнущей сплоченности и организованности пролетарских масс. Требовалось умело этим воспользоваться...

Как-то Якову пришлось участвовать в собрании приказчиков — они арендовали для этого один из залов Всесословного клуба. Хотел выступить. Но оказалось, что такого права не имеет, поскольку не член профсоюза приказчиков. А с трибуны звучала меньшевистская демагогия, не разоблачить которую было просто нельзя. Тогда слова попросил один из присутствующих на собрании большевиков, полномочия

которого не вызвали сомнений, а речь вместо него произнес Свердлов. Ясность в ход дискуссии внес полную, что и отразила принятая единогласно резолюция в поддержку вооруженного восстания.

На 30 июня легальное Нижегородское общество вспоможения частному служебному труду назначило собрание своих членов. Оно началось в здании купеческой биржи, но участников прибыло так много, что все в тесном и маленьком помещении уместиться не смогли, и ночью собрание перешло в самый просторный из залов Всесословного клуба. Во время этого переселения появился Свердлов. В руках — пухлый сверток. Оказывается, он принес только что отпечатанные прокламации Нижегородского комитета РСДРП, обращенные к приказчикам и земским служащим. Тут же организовал их распространение. А в разгар прений взял слово. Когда сходил с трибуны, раздались возгласы: „Долой самодержавие!”, „Да здравствует революция!” Вслед за этим начался сбор средств на приобретение оружия.

Свердлов поселился на Ошарской улице, воспользовавшись квартирой педагога-математика В. В. Адрианова, который выехал с семьей на дачу. Новый жилец, к великому неудовольствию домовладельца Мошкина, оказался беспокойным. К нему без конца приходили гости, все больше мастеровые. Хозяин смотрел на них косо, цедил сквозь зубы: „И чего шляются зря? Шли бы лучше в кабак...” Разумеется, он не знал, с чем связаны эти визиты. А причина была значительная. Нижегородский комитет РСДРП решил отметить политиче-

ской забастовкой 9 июля, чтобы напомнить о случившемся полгода назад в Петербурге Кровавом воскресенье.

И вот наступил этот день. Большинство заводов, фабрик остановилось. В двенадцать часов дня на пустыре около Народного дома состоялся митинг. Собралось около тысячи человек. В жандармском донесении, составленном по этому поводу, отмечалось, что одним из организаторов „сходбища" был Свердлов. Выступавшие говорили о тирании самодержавия, о необходимости объединения демократических сил, о первоочередных задачах пролетариата. Над головами людей вились красные и черные траурные знамена. Многоголосым хором стоявшие локоть к локтю нижегородцы пропели „Вечную память" жертвам 9 января.

А вечером — новый митинг. На него пришли почти две тысячи человек. Предполагалось, что и на другой день митинги будут продолжены. Многие знали, где и во сколько намечен первый из них. Но провести его не удалось. Власти приняли своеобразные контрмеры. Инспирировав „проявление народного гнева против мятежников и бунтарей", они организовали черносотенный погром. К участию в нем привлекли извозчиков, дворников, трактирщиков, все нижегородское отребье. Водку эта „рать" получила бесплатно...

Очевидец писал в редакцию большевистской газеты „Пролетарий": „Били всех без разбору; неблагонадежность определяли по длинным волосам и даже по костюму: например, били всех, на ком были надеты черные шляпы, били до тех пор, пока

лицо не превращалось в кровавый студень, били ногами, предварительно обыскивали, и если находили оружие, то били особенно сильно...”

Во время погрома Свердлову удалось скрыться от преследователей. На глаза попался дом Ежова, где снимала квартиру давняя знакомая, не раз помогавшая в распространении листовок и прокламаций, Н. А. Покровская. Заскочил к ней. И только поздно вечером вышел из своего убежища. Правда, пришлось надеть дамское платье, голову прикрыть широкополой шляпой, лицо — вуалью. Сопровождал эту „особу” рослый кавалер — бывший студент Московского университета М. Д. Галонен. Он вспоминает: „В ночной тишине откуда-то издали неслись звуки пьяного разгула. Чувствовалась тревога. Но Яков Михайлович шептал уже что-то юмористическое. Слушая его в этот полуночный час, нельзя было подумать, что несколько часов назад он чуть не был растерзан пьяной бандой”.

12 июля домовладелец Мошкин обнаружил, что гостеприимный жилец исчез, о чем и сообщил полицейским, прибывшим два дня спустя с обыском и ордером на арест Свердлова. В это время Яков скрывался у знакомых. А 18 июля совершенно случайно агент Нижегородского охранного отделения встретил его в Перми. Пытался арестовать, но безуспешно. Вскоре Яков был в Казани.

4

...Вот и знакомый дом на улице Луговой. Был поздний вечер, когда Свердлов подошел к нему. Постучал в одно из

окон. Створки сразу же распахнулись. Николай Накоряков просиял, увидев гостя. Тут же захлопотал насчет ужина.

— Да сыт я, — пытался успокоить его Яков.

— Не верю, — стоял на своем хозяин.

Пришлось садиться за стол. Поели окрошки, сала с чесноком. Свердлов рассказал о нижегородских событиях. Особо отметил значение массовых митингов сормовичей, с проведением которых полиция уже практически смирилась.

— А что у вас?

— Тоже есть кое-что...

Первым долгом Николай сообщил о стачке алафузовских рабочих. Она началась 7 июля, была посвящена полугодовщине Кровавого воскресенья в Петербурге. Сопровождалась многолюдными собраниями. Крупные массовки смогли провести портные, фармацевты, трамвайные служащие. Даже солдаты!

— Хотя до сормовичей нам еще далеко, конечно.

— Ну, это не беда! Было бы на кого равняться...

Свердлов знал, что казанская промышленность не чета нижегородской. Наиболее заметными считались мыловаренно-свечной завод Крестовникова, льнопрядильная фабрика Алафузова. В основном же преобладали полукустарные мастерские, самые крупные из которых принадлежали Раму, Либихту, Свешникову. Размещались они в лачужках, подвальных помещениях, были темны, тесны, крайне захламлены. Большинство рабочих жили в казармах. Что они собой представляли? Вот доку-

ментальное свидетельство: „Это — длинные, рубленые деревянные сараи, изредка каменные, с одним и редко двумя выходами, дощатым потолком и полами, которые трудно отличить от земляных, благодаря толще покрывавшей их грязи; вдоль стен, в два ряда один над другим тянутся нары, на коих рабочие и располагаются вповалку, один возле другого... Не дается пощады даже женской стыдливости. Вповалку ложатся мужчины, женщины и девушки; ночью представляется безобразная картина разметавшихся, полуобнаженных в духоте и смраде женских и мужских тел, пересыпанных детьми... Бани — явление крайне редкое на наших фабриках". Страшная действительность. Но, встречаясь с рабочими, Яков призывал их не отчаиваться, часто ссылался на картину художника Ярошенко „Всюду жизнь". Сюжет такой: стоит на рельсах арестантский вагон, из окна которого заключенные сыплют крошки на железнодорожную платформу, где их подбирают голуби. Люди не очерствели, не отупели, не потеряли чувства доброты — вот что главное. В любых условиях жизнь может дать и дает много радостного, хорошего, говорил Яков (эта мысль отражена и в одном из его писем. — *В. П.*). Ну а чтобы было лучше, нельзя сидеть сложа руки. За счастье надо бороться.

— Держитесь друг за друга. Один, как известно, в поле не воин!

До мая 1905 года Русское бюро ЦК в Казани представлял И. Коновалов. Уехав, передал свои полномочия Я. Свердлову. Перемены не заставили себя долго ждать. „...Начиная с мая, — свидетельствовал ра-

бочий алафузовской фабрики А. Ильин, большевик, активный участник революционного подполья, — я почувствовал, что в Казанской организации работа пошла по другому руслу". Действительно, были оформлены группы пропагандистов и агитаторов, военная организация, появились „специалисты" по взаимодействию с крестьянами, местным населением — татарами. У ворот проходных казанских предприятий стали возникать „летучие" митинги, когда менялись смены рабочих — точно так же, как это было в Нижнем Новгороде, Сормове. Во всем этом была явная заслуга Я. Свердлова. Раньше он бывал в Казани лишь наездами, а теперь решил „осесть", „пустить корни" поосновательнее.

Об этом он и сообщил Н. Н. Накорякову июльской ночью. Уже на другой день появился в Ягодной слободе, где среди жителей преобладали рабочие алафузовской фабрики. Что они думают о начинающейся революции? Готовы ли к участию в ней? Вопросы ставил напрямую. Этого требовало время...

1 августа началась забастовка столяров. Комитет РСДРП выпустил обращенную к ним листовку, которую написал Я. Свердлов. В ней подчеркивалось: „В одиночку рабочим одной мастерской трудно отстоять свои требования перед хозяином. Только все столяры, бросив разом работу, добьются улучшения своего положения..." Так это и произошло. Почти одновременно замерли все деревообрабатывающие предприятия. Столяры регулярно встречались на загородных собраниях, где выступали представители комитета РСДРП, в том

числе Я. Свердлов. Одиннадцатидневная забастовка столяров обернулась победой. Рабочий день был сокращен до десяти часов, заработная плата повысилась.

В августе на заседании комитета РСДРП был заслушан доклад делегата III съезда от Казанской большевистской организации И. А. Саммера, который задержался за границей из-за болезни. В том же месяце перед большевиками-казанцами выступил делегат III съезда от Нижегородской социал-демократической организации В. А. Десницкий. А вскоре получили книгу В. И. Ленина „Две тактики социал-демократии в демократической революции". „...Когда мы — казанские партийные работники — всем комитетом читали его замечательную брошюру „Две тактики", — пишет В. В. Адоратский, — мы все чувствовали, что нельзя более правильно, более последовательно и более талантливо защитить интересы развития революции, чем это сделал Владимир Ильич".

Редакция газеты „Пролетарий" получила из Казани письмо. В нем сообщалось, что существенно перестроена структура революционного подполья, чем и был ознаменован август. Отмечалось, в частности: „Город с прилегающими к нему слободками разделен на три района: Алафузовский, 1-й городской (ремесленники города) и 2-й городской. Все 3 организатора входят в к[омитет]. В первый городской район входит ряд районных цеховых подкомитетов (портных — 2 — женский и мужской, столяров, приказчиков, типографщиков,

слесарей, заводской и смешанный). Каждый такой подкомитет состоит из 4—5 лучших рабочих данного подрайона. Во главе этих организаций стоит центральная группа организаторов, пока в этой группе состоит 7 человек под руководством ответственного организатора данного района".

Эту четкую структуру организации Казанский комитет РСДРП разработал под руководством Я. Свердлова. Сам он отвечал за Алафузовский (центральный) район. Были переформированы нелегальные кружки, налажена революционная пропаганда в пехотных и артиллерийских частях. При комитете партии начала действовать специальная военная группа. Представитель Русского бюро ЦК руководил ею непосредственно, часто лично писал листовки для солдат. Правда, всегда оговаривался при этом: „Невозможно мне, человеку языка по преимуществу, оказать своим словом надлежащее воздействие, когда прибегаю к перу". Есть такое признание и в одном из писем Я. М. Свердлова. Но, хорошо зная, что печатное слово дает возможность общения с огромными массами людей, Свердлов не жалел ни чернил, ни бумаги, как сам он любил пошутить.

Много времени Яков уделял нелегальной газете „Рабочий". Первый номер ее вышел 3 июля 1905 года. В подготовке его приняло участие большинство членов Казанского комитета РСДРП, среди них В. В. Адоратский, Н. Н. Накоряков. Для Свердлова как редактора это были самые надежные авторы. Им удалось подготовить основную часть статей. „Рабочий" вызвал огромный читательский интерес.

29 июля появился второй его номер, 3 сентября — третий. Их передавали из рук в руки, зачитывали, как говорится, до „дыр". В департамент полиции попало письмо, автор которого сетовал, что был у него один номер „Рабочего", „да утащили"...

Умело использовал комитет РСДРП и легальную газету „Волжский Листок". С ней сотрудничали В. В. Адоратский, Н. Н. Накоряков, Н. И. Дамперов, А. С. Кулеша. Очевидно, с их помощью Я. Свердлов тоже установил связь с редакцией и печатался под псевдонимом „Михайлович". Он брался за разработку разных тем. Писал, например, о роли и значении профессиональных союзов, о бесправном положении женщин-работниц, о причинах экономических кризисов. Насколько остры и значительны были публикации Я. Свердлова, можно судить по рубрике „Почтовый ящик", которая велась в „Волжском Листке". Дважды в течение сентября редакция сообщала: „Сотруднику Михайловичу. В вашей статье „Олесиновская история на Путиловских заводах" не напечатан конец по независящим от редакции обстоятельствам" (явный намек на цензорские исправления. — *В. П.*). Или: „Сотрудникам Михайловичу, Сеньору и Риз-кому. Все изменения в Ваших статьях произошли по независящим от редакции обстоятельствам" (причина та же самая. — *В. П.*).

А нижегородское охранное отделение усиленно разыскивало „Малыша". Узнали, что он обосновался в Казани. Свердлов сразу же почувствовал за собой усиленную слежку. „Надо уезжать!"

1

На станцию Екатеринбург поезд, в котором ехал Свердлов, прибыл 28 сентября 1905 года. По перрону расхаживали двое городовых, озабоченно сновали носильщики, было много гуляющей публики. Яков сразу же отметил: филеров не видно. Ну и отлично! Теперь необходимо найти книжный магазин на углу Главного проспекта и улицы Колобовской. Это оказалось совсем не трудно. У дверей встретил юный приказчик. Лицо приветливое, открытое.

— Ося Гилев?

— Совершенно верно...

— А я к вам от „Полярной звезды".

Пароль — первая ниточка связи с екатеринбургскими большевиками — сработал сразу же. Вечером того же дня со Свердловым познакомились члены местного комитета РСДРП — служащий Общества горных техников Ф. Ф. Сыромолотов, он же „Федич", техник электростанции С. А. Черепанов, известный среди подпольщиков как „Лука", рабочий завода Ятеса П. А. Кин, профессиональный революционер С. Е. Чуцкаев. Все они знали: прибыл „агент ЦК". Так называли людей, обладавших особыми партийными полномочиями. У Свердлова они были, поскольку представлял Русское бюро ЦК. Да и не только его. В 1905 году появился ряд областных центров

партии, в том числе Главное, Северное, Южное и Восточное бюро ЦК РСДРП. Каждое отвечало за свой регион. Революционным движением на Урале руководило Восточное бюро. Следовательно, и от него Свердлов выступал тоже. Для всех пришедших на встречу с ним он был „товарищ Андрей" — партийный псевдоним, привезенный с Волги, оставался в силе. Да и паспорту на имя Андрея Бабаева, которым Свердлова снабдили в Казани, он соответствовал полностью.

От имени присутствовавших обстановку доложил Ф. Ф. Сыромолотов. Он рассказал, что в конце 1904 года многих из социал-демократов арестовали. К лету 1905 года положение удалось несколько поправить. На Урал прибыло надежное большевистское пополнение из разных городов России. Ценными работниками оказались Н. Батурин (Н. Замятин), Н. Вилонов (М. Заводской). Но оба теперь в тюрьме. Там же томятся Мария Авейде, Клавдия Новгородцева, многие другие. Что Свердлов смог узнать еще? С эсерами уральские большевики порвали отношения решительно. Неустанно разоблачают и анархистский идеализм.

— Ну а меньшевики у нас малосильные. Их вообще можно в счет не брать, — заметил Ф. Ф. Сыромолотов.

В то же время, давая оценку либеральной буржуазии, он признал, что хоть это и не надежный союзник, а отворачиваться от него не следует. Не плохо было бы повести за собой земцев. Свердлов сразу же насторожился. В этих рассуждениях явно виделись „уши меньшевизма". Выяснилось

и другое. Некоторые из членов комитета РСДРП примиренчески относились к проявлениям оппортунизма в социал-демократическом движении, разногласия в подходе к двум партийным тактикам рассматривали как малосущественные, даже ничтожные. Пришлось немедленно вносить ясность. Свердлов подчеркнул, в частности: ,,Надо обладать сильным источником внутренней бодрости, чтобы не подвергнуться воздействию мертвечины". А он немыслим без крепкой идейной убежденности. Предстояло основательно побороться за то, чтобы утвердить ее в сознании людей, готовившихся к решительной схватке с царизмом.

Свердлов быстро освоился на новом месте. ,,Агента ЦК" рабочие екатеринбургских предприятий постоянно видели на революционных сходках, которые проводились то у Каменных Палаток, то в Зеленой роще, то у Осиновских прудков. Таиться особенно не приходилось. Царская администрация, уступая народному недовольству, мирилась с внешней либерализацией общественной жизни. Особенно обольщаться этим, конечно, не следовало. Но какая-то дополнительная свобода действий все-таки появилась. Жаль, что не все ее видели. Пришлось, например, ,,агенту ЦК" встретиться с К. Т. Новгородцевой — членом комитета РСДРП. Выйдя из тюрьмы, Клавдия Тимофеевна решила уехать из Екатеринбурга: агенты охранки устроили за ней слежку, а это могло обернуться новыми провалами в революционном подполье.

— Опасность, как она вам видится, справедлива. Но справедлива лишь для вчераш-

него дня, — сказал Яков. — Теперь многое следует воспринимать в новом свете...

А „шпики", заметил он, для того и существуют, чтобы их водили за нос. Екатеринбургскому комитету РСДРП нельзя терять работника, который прекрасно знает город, способен многое взять на себя, используя накопленный ранее опыт. К.Т. Новгородцева сочла убедительными эти доводы и от прежнего намерения отказалась.

То был шаг навстречу собственной судьбе. Позднее Клавдия Тимофеевна стала женой Якова Михайловича.

17 октября царь подписал манифест „О даровании свобод народу". Либералы ликовали. Их полностью устраивали бумажные, ничем не гарантированные обещания. 18 октября в Екатеринбурге на Кафедральной площади состоялся благодарственный молебен по случаю „знаменательного события". „Отцам города" хотелось выразить свои верноподданнические чувства монарху. Но рабочие не позволили этого. Они устроили на площади митинг, на котором прозвучали революционные лозунги: „Долой самодержавие!", „Да здравствует вооруженное восстание!", „Да здравствует демократическая республика!"

19 октября на Кафедральной площади опять собрались сотни людей. Предстояло провести новый митинг. Открыть его предстояло „товарищу Андрею". Но сделать этого он не смог: на площади появились черносотенцы, вероломно напавшие на безоружных людей. Отряд рабочих Верх-Исетского завода, которому поручалась охрана участников митинга, прибыл к месту события с опозданием. Дать отпор по-

громщикам оказалось практически некому.

В тот же вечер состоялось заседание Екатеринбургского комитета РСДРП. Вел его Свердлов. Держался сдержанно, спокойно. Хладнокровно проанализировал случившееся на Кафедральной площади. Иронически отнесся к поведению одного из участников митинга: имея револьвер, он ранил громилу-черносотенца и теперь горько сожалел об этом, обвиняя себя в жестокости...

— Нет, — сказал Яков. — Переживать следует о другом: мало выстрелов было сделано в порядке самообороны. И это непростительно!

Собравшиеся единодушно признали, что надо существенно усилить боевую дружину, созданную при комитете РСДРП еще летом 1905 года. Наметили кандидатуры тех, кто мог бы пополнить ее. Начальником назначили Ф. Ф. Сыромолотова. Пожав ему руку, „агент ЦК" сказал:

— Овладевай военным искусством. Это знание пригодится!..

2

А либералы продолжали восторгаться царскими „милостями". Трезвонили о них повсюду. Доктор Спасский, сторонник кадетской партии, взялся за то, чтобы прочитать в Верх-Исетском театре лекцию о царском манифесте, которая была назначена на воскресенье — первое воскресенье после 19 октября.

— Может, сходим? — предложил „товарищу Андрею" С. А. Черепанов: они жили вместе на одной квартире.

— Согласен. Надо только, пожалуй, еще и „Федича" пригласить с боевой дружиной. На всякий случай...

— Да, это не лишне!..

Как наметили, так и сделали. Огромной толпой явились в зал Верх-Исетского театра. Правда, лекция оказалась, как и следовало ожидать, скучной, неинтересной. Слушатели едва дождались ее конца. Но когда слова попросил „товарищ Андрей", решивший воспользоваться освободившейся трибуной, все оживились. Словно свежий ветерок пронесся над залом. Разоблачив лицемерность высочайшего документа, Свердлов сосредоточил внимание аудитории на том, что необходимо развернуть решительную борьбу за немедленную и полную амнистию политических заключенных, отмену сословного строя, потребовал снять военное положение в тех местностях, где оно было установлено. Кое-кто испугался: разве можно так говорить? Но большинство присутствовавших ответило на речь аплодисментами — бурными, продолжительными...

На этом воскресный день не кончился. Выйдя из Верх-Исетского театра, рабочие построились в колонну и с песнями пошли по городу. Впереди — Свердлов. Он понимал: такая демонстрация должна показать населению, что черносотенцев бояться нечего: сила не за ними, а вот за этими людьми с заводов и фабрик. Колонна остановилась перед зданием Благородного собрания, как в Екатеринбурге называли дворянский клуб. Кто-то сказал, что в нем собрались приказчики. Почему бы не послушать, о чем говорят? Но двери оказались

запертыми. На стук долго никто не откликался. Потом выяснилось: „гостей" приняли за черносотенцев, потому и не хотели пускать.

Когда вновь прибывшие расселись по свободным местам, собрание приказчиков продолжило свою работу. Оказалось, что и оно было посвящено обсуждению царского манифеста. Слушали доклад одного из либералов — инженера Романова. Это был не доклад, а хвалебная ода: все прекрасно, все хорошо... Разумеется, Свердлов не мог смолчать. Он вышел на трибуну. Смысл его речи свелся к тому, что дарованными свободами народ не должен обольщаться, его задача — взять больше, чем дано. А в завершение сказал: „Как жить, в конце концов укажет сама жизнь. Надо только повнимательнее к ней присматриваться".

Приступили к обсуждению второго вопроса повестки дня. Он касался создания профсоюза приказчиков, проект устава которого был предложен общему вниманию. Прослушал его и Яков. Сразу же снова попросил слова:

— Мне кое-что не нравится...

Основной изъян проекта устава состоял в том, что профсоюз, по существу, приравнивался к обществу взаимопомощи, не учитывал интересов классовой борьбы трудящихся с эксплуататорами, а в этом — вся суть. Вот почему, сказал „товарищ Андрей", текст документа требует коренной переработки. С этим все согласились. Создали редакционную комиссию, в состав которой включили и Свердлова. Через сутки решили собраться вновь. Где? Кто-то предложил использовать для этого поме-

щение гранильной фабрики: оно, мол, попросторнее, чем дворянский клуб.

Якову пришлось заново переписать проект устава. От имени редакционной комиссии он и с докладом выступил на другой день перед собравшимися. Каждый пункт проекта устава сопровождал обширными разъяснениями, поскольку вчерашняя аудитория почти удвоилась: многие слушали его в первый раз. Речь шла не только о профсоюзах. Большевистский оратор коснулся и многих проблем революционной борьбы, получившей в России невиданный размах. Что же касается проекта устава, то замечаний не оказалось. Приняли его единогласно.

Еще когда Свердлов жил в Казани, газеты опубликовали манифест и положение о выборах в Государственную думу, названную булыгинской по имени автора проекта — министра внутренних дел Булыгина. К участию в формировании законосовещательного органа допускались лишь помещики, буржуазия, крестьяне-домохозяева, городские ремесленники.

Рабочие, деревенская беднота, военнослужащие, женщины, учащиеся не получили избирательных прав. Большевики развернули активный бойкот Думы. Стоял за него и „товарищ Андрей". Свою позицию отстаивали всюду. А оппонентов было не мало. За Думу ратовали вместе с либералами сторонники партии „Союз 17 октября" (октябристы), мирного обновления (обновленцы), многие другие. Они настаивали на безусловной и безоговорочной поддержке выборной программы: мол, и желать-то больше нечего. Свердлов страстно

и бескомпромиссно разоблачал демагогов. Рабочие дружно его поддерживали.

Примечательный эпизод приводится в воспоминаниях одного из екатеринбургских большевиков П. М. Быкова: „Помню, на одном из митингов в городском театре, митинге, организованном обновленцами, выступил их лидер — местный журналист Федоровский. Увлекшись „защитой" интересов народа, он патетически восклицал, указывая куда-то вверх, на галерку:

— Там, наверху, — пьют нектар и едят амброзии, а здесь, внизу, — нищета, голод, тяжелый труд...

И вдруг оратора прерывает голос с галерки:

— Врешь — это у вас внизу сидят сытые, а здесь — рабочие, и они голодают.

Оратор попросил руководителя собрания призвать к порядку галерку, но зал иначе реагировал на это. Послышались крики: „Хватит, довольно. Андрея! Пусть Андрей говорит..." Долго упрашивать не пришлось: Яков сразу же вышел на трибуну. Речь его была зажигательной. Сразу после нее зазвучал „Интернационал".

Митинги после 17 октября проводились в Екатеринбурге часто. „Агент ЦК" побывал на многих из них и всегда стремился донести до слушателей смысл основных большевистских призывов: надо готовиться к массовому вооруженному восстанию, постоянно крепить союз рабочих и крестьян, большую помощь большевикам должны оказать профессиональные союзы...

Отчет об одном таком митинге, состоявшемся 19 ноября, напечатала либеральная газета „Урал". Автор его отметил, что кто-

то из публики, адресуясь к Свердлову, спросил: куда должны обращаться демобилизованные солдаты, если по возвращении домой не могут устроиться на работу. Он ответил так: „Да, к кому же обратиться? Какую вам может оказать помощь то правительство, которым держатся такие порядки: угоняют рабочего на войну, говорят ему, что место останется за тобой, и, когда война кончается, он остается без работы. Вы не к нему должны обратиться за удовлетворением, а только к народному правительству". Вдруг прозвучала реплика: „Не сулите нам журавля в небе, дайте нам ту синицу, которую мы можем получить, правительство кое-что дало нам — и хорошо, давайте его поддержим". Свердлов немедленно отпарировал: „Товарищ обвиняет нас, говоря, что вот-де социал-демократы сулят вам журавля в небе, а сами ничего не дают вам, даже синицы. Товарищи, это неправда! А кто с вами был под штыками солдат? Кто с вами был в лесах? Кто с вами работал в подполье? Кто с вами был на фабриках? Кто с вами был в тюрьмах? И разве мы не дали вам в руки ту синицу, о которой говорят здесь? Эта синица в ваших руках. Мы даем восьмичасовой рабочий день, в Петербурге рабочие уже пользуются им, мы увеличили на десять процентов вашу заработную плату, мы даем улучшение санитарного состояния фабрик. Какой же это журавль? Это и есть синица". Аудитория ответила аплодисментами, криками „браво".

С середины ноября в Екатеринбурге начал действовать Совет рабочих депутатов, одним из руководителей которого был

большевик П. А. Кин. Первое заседание состоялось 17 ноября. Обсуждалась обстановка, сложившаяся на заводах Ятеса, Коробейникова, Беренова, где рабочие бастовали. Владельцы предприятий решили не уступать, надеялись, что голод образумит „бунтарей". И тут Совет рабочих депутатов пришел на помощь: организовал сбор средств в пользу бастующих. Поддержка оказалась как нельзя кстати. „Вы должны доверять Совету депутатов, — подчеркивал Свердлов на одном из митингов, — который будет сообразоваться, следует ли дальше продолжать забастовку или нет. И теперь, раз Совет депутатов решит, что забастовка должна продолжаться, то и надо, товарищи, продолжать, а если он решит, что надо приступить к работам, то приступайте". Советы рабочих депутатов были созданы в Алапаевске, Надеждинске, Сосьеве и других городах Урала.

Вместе с „агентом ЦК" на митингах часто выступали освободившиеся из тюрьмы Н. Батурин, Н. Вилонов, М. Авейде. Они и жили теперь вместе. Объединились по предложению Клавдии Новгородцевой. Дом для своей „коммуны" снимали неподалеку от Верх-Исетского завода. Сообща готовили пищу, убирали комнаты. На каждый день выделялся дневальный. От этой роли не освобождался никто. Но если она выпадала на долю Клавдии Новгородцевой, Яков всегда был рядом. Случалось и наоборот. Свердлов признавался: „Так тоскливо, когда отсутствует целиком и полностью личная жизнь..." Он не относил себя к числу аскетов. Напротив, был убежден: „Нет ничего плохого в желании обрес-

ти личное счастье. Да и вряд ли кто не желает этого. Но необходимо сочетать его с какой-либо работой, дающей удовлетворение". Точно так же считала и К. Т. Новгородцева. Примечательны строки ее воспоминаний о Свердлове как супруге: „Мы не оформляли официально наших отношений, да и нелегко было революционеру в царской России узаконить свой брак. Церкви, церковного брака мы, конечно, не признавали. Я уж не говорю о том, что стоило человеку, находившемуся на нелегальном положении, жившему по чужим документам, попытаться прибегнуть к церковному обряду и назвать свое настоящее имя, как его немедленно бы схватили". И далее: „Нас, однако, мало тревожило, что брак наш не был узаконен церковью. Наша семья была неизмеримо крепче тысяч семей, оформленных по всем законам царского времени".

Екатеринбург стал для Свердлова важным этапом на пути к самопостижению и самоутверждению. Личные заботы сплелись в тугой клубок со всеми остальными. Нелишне отметить, что постоянная партийная явка действовала в Обществе горных техников. Но люди охотно пользовались еще и гостеприимством членов „коммуны". Шли за разъяснениями, советами, консультациями. В ноябре была создана школа пропагандистов для нелегальных кружков. Дом, где ее разместили, принадлежал наследникам генерал-майора Качки, которые сочувствовали революционному движению. Занятия проводились в средней комнате верхнего этажа. Здесь стояли простой стол, деревянные скамейки. Обстановка непритязательная. А слушателей,

большинство из которых были рабочими, она манила. Собирались вместе до тридцати пяти человек. Лекции читали Я. Свердлов, С. Чуцкаев, Н. Батурин. Каждое занятие начиналось вечером и заканчивалось поздно ночью. В ,,коммуне'' всегда засыпали поздно...

3

Яков склонился над столом. Очередная прокламация, которую надо подготовить, обращена к уральским рабочим. В ней обосновывалась неизбежность всенародного вооруженного восстания. Каждое слово ,,прицельное'', потому-то и обдумывается многократно. У Свердлова своя манера работы, о которой он говорит так: ,,Без перерыва пью чай и дымлю''. Наконец, поставлена последняя точка. Текст немедленно отправляется в подпольную типографию. За ночь будет набран и отпечатан. Теперь можно немножко и отдохнуть. Среди членов ,,коммуны'' ничем не занят лишь Н. Вилонов.

— Предлагаю партию в шахматы.

— Согласен. Только ведь опять обыграешь.

— А ты не капитулируй раньше времени. Сопротивляйся!

Яков любил шахматы. Эта игра, как никакая другая, развивала абстрактное мышление. А без него профессиональному революционеру не обойтись.

В конце ноября эсеры решили провести митинг. Использовали для этого Екатеринбургский городской театр. Публики собра-

лось много. Большинство рабочие. Кого избрать председателем митинга? Из зала сразу же предложили:

— Товарища Андрея!

Эсеры растерялись: с какой стати? У них была собственная кандидатура. Но провести ее на председательский пост не удалось. Пришлось Свердлову брать бразды правления в свои руки. Участники митинга приняли большевистскую резолюцию. Эсеры были вне себя от ярости.

Наиболее злобно за действиями большевиков следили черносотенцы. Чаще всего они собирались в зданиях городской и ремесленной управ. Председателем правления екатеринбургского „Всесословного народного союза" был Козицын. Активно выступать против революционеров „его люди" не решались. Но постоянно грозили расправиться со „смутьянами". Мрачные пророчества звучали и со страниц печатного органа черносотенцев — газеты „Голос народа". Свердлов не мог относиться к этому безразлично, пытался нейтрализовать усилия политических противников. „На угрозы черной сотни партия найдет средства борьбы, — говорил он на митинге рабочих в Верх-Исетском театре 26 ноября. — Первое средство — это публикация имен организаторов черной сотни во всеобщее сведение. Второе — объявление их „вне закона". Последнее будет употребляться как крайняя мера..."

Реальность „крайней меры" обеспечивала боевая дружина во главе с Ф. Ф. Сыромолотовым. Ни один митинг не обходился без ее представителей. В любой момент они были готовы прийти на помощь. Иногда

такая необходимость возникала. Большое впечатление произвел на черносотенцев случай в городском театре, где проходило рабочее собрание. Пособники полиции и охранки пытались прорваться на него через боковые двери. Принесли бревно, чтобы вышибить их. Тут-то и появились боевики. Залп из револьверов быстро отрезвил громил. Они поспешно разбежались, поняв, что предупреждение всерьез.

Силы боевиков постоянно пополнялись. ,,Новобранцев'' обучали не только умению обращаться с оружием, но и тактике уличного боя, приемам баррикадной борьбы. Исходили, конечно, не из одной лишь необходимости защищаться при нападениях. Преследовалась и другая цель. Большевики со всей тщательностью разработали план вооруженного восстания в Екатеринбурге, что соответствовало установке III съезда РСДРП.

Основные бои были впереди. К ним готовились всесторонне. К. Т. Новгородцева, например, сформировала небольшой отряд скорой медицинской помощи из девушек-учащихся и женщин, членов партии, организовала для них практические занятия при Верх-Исетской больнице. Через Ижевскую социал-демократическую организацию добывали винтовки. Екатеринбургский комитет РСДРП утвердил устав боевой организации, свод инструкций, рассчитанных на руководителей и участников вооруженного восстания.

Понятно, что все эти заботы носили конспиративный характер. Приходилось многое держать в тайне. И не одной только сферы военных интересов она касалась.

В революционном потоке, который бурлил вокруг Свердлова, были люди ни к чему, казалось бы, внешне не причастные, а роль игравшие значительную. Вот, например, Л. С. Покровский, фармацевт. Он работал в аптеке Репара. Отвечал за связь с редакцией легальной газеты „Новая жизнь", которой руководил В. И. Ленин.

В библиотеку Белинского, где работала К. Т. Новгородцева, поступала нелегальная почта. Формальным получателем считалась В. Д. Сабанеева, фактическим была Клавдия. Часть переписки с партийным центром велась через книжный магазин Куренщикова. Посредником также была К. Т. Новгородцева...

Агенты охранки внимательно следили за большевиками. Поэтому приходилось много внимания уделять совершенствованию конспиративного аппарата.

Весь октябрь и ноябрь 1905 года Яков Михайлович почти безвыездно работал в Екатеринбурге. Но в округе о нем уже знали. Славу создали ему выступления на открытых митингах, среди участников которых оказывались не только местные жители, но и приезжие. Про „интересного" оратора толковали между собой рабочие Верхне-Салдинского, Богословского, Кыштымского заводов, Гороблагодатского рудника, Изумрудных копей. Многие хотели с ним встретиться. Искали и находили для этого удобный повод. Так завязывались новые связи, знакомства, способствовавшие объединению революционных сил Урала.

Из Русского бюро ЦК в Екатеринбург пришло известие: началась подготовка к IV съезду партии. Уральцам требовалось

направить на него своего делегата. Кого избрать? Собрались в одном из надежных домов. Комнату освещала керосиновая лампа. Я. Свердлов подготовил, вырезав из бумаги, избирательные бюллетени, раздал их. Каждый написал имя делегата. Потом эти „голоса" сложили в шапку. Оказалось, что выдвинули одну кандидатуру — „товарища Андрея".

Съехавшиеся к 10 декабря в Петербург делегаты по предложению ЦК решили провести вместо съезда большевистскую конференцию. Для этого требовалось перебраться в Финляндию. Место общей встречи — Таммерфорс. Конференция прошла с 12 по 17 декабря. Но Свердлов опоздал. Поезда ходили с перебоями: давали себя знать волнения среди железнодорожников. А ведь он очень рассчитывал на встречу с В. И. Лениным, готовился к ней тщательно. И вот не повезло! Владимир Ильич уже уехал из Таммерфорса, когда там появился Свердлов. Пришлось знакомиться с материалами конференции, ее решениями по протоколам. Общий их смысл сводился к одному: впереди вооруженное восстание, к началу его надо быть готовым каждому большевику, всем рабочим и крестьянам.

На обратном пути Свердлов ненадолго остановился в Москве. Она бурлила накануне грозовых событий. Особенно заинтересовали Якова многолюдные митинги в саду „Аквариум". Несколько раз выступил на них сам. На одном из митингов случайно встретился с братом Вениамином. От него узнал последние нижегородские новости. Сормово вооружается. В Канавине, на Мызе созданы боевые отряды рабочих.

Как домой, возвращался Яков на Урал. Привык к нему, полюбил. Хотелось быстрее повидаться с товарищами, увидеть Клавдию.

В Екатеринбурге Свердлова ждали неприятные новости. Контрреволюция перешла в наступление. По улицам рыскали сотрудники охранного отделения: арест следовал за арестом. Однажды ночью в Верх-Исетский поселок прибыли подразделения казаков, полицейских. Оцепили квартал, где стоял дом „коммуны". Расчет был на то, чтобы арестовать сразу же основную часть руководителей большевистской организации. Но коварный замысел не удался. Комитет РСДРП своевременно перешел на нелегальное положение.

28 января 1906 года по системе Министерства внутренних дел был разослан циркуляр № 1510. В нем перечислялись имена людей, подлежавших розыску и немедленному заключению под стражу. Среди них — Бабаев, известный под кличкой „товарищ Андрей". Где его искать, филеры не знали.

Так вступил Яков в двадцать первый год своей жизни.

* * *

...По перрону Екатеринбургского железнодорожного вокзала разгуливал рослый, а потому издалека заметный жандарм. Вот подошел к залу первого класса.

— Эй, любезный! — услышал он. — Возьми-ка мне билет на поезд до Перми, да живо. Сдачи не надо!

К жандарму обратился важного вида господин. Из-под распахнутой шубы с боб-

ровым воротником был виден дорогой костюм, сверкала золотая цепочка карманных часов. В руке — крупная денежная купюра. Служивый сразу же смекнул: солидный куш, которым грех не воспользоваться. Щелкнув каблуками, он ринулся к окошечку кассы, где толпилась большая очередь. Но долго ли ее растолкать? Через несколько минут жандарм вернулся с билетом. А за это время к пермскому поезду быстро проскользнул пассажир, очевидно страдающий зубной болью: повязан черным платком, половину лица совсем не видно.

Будь жандарм рядом, он наверняка бы узнал в пассажире „товарища Андрея"...

Операция прошла успешно. Яков благополучно расстался с Екатеринбургом.

В Перми „агента ЦК" ждала К. Т. Новгородцева. Вместе окунулись в заботы революционного подполья. Особое внимание уделяли Мотовилихе — рабочему поселку, многие жители которого в декабре 1905 года приняли участие в вооруженном восстании. Казачьи части разгромили мятежников. Расправа была крутой. Аресты следовали один за другим.

Серьезно пострадала вся Пермская социал-демократическая организация. Следовало как можно скорее восстановить ее ряды, сплотить их для новых классовых боев. И Свердлов решительно взялся за это. Установил связи с передовыми рабочими большинства пермских предприятий. Скоро они уже по-свойски называли его „Михайлович" или просто „Михалыч". Удалось создать разветвленную сеть нелегальных кружков. Регулярно проводились ре-

волюционные сходки. Яков чувствовал себя в родной стихии.

Клавдию Новгородцеву избрали секретарем Пермского комитета РСДРП. Трудно назвать дело, к которому „Ольга" (псевдоним К. Т. Новгородцевой. — *В. П.*) не имела бы отношения. Занималась партийной пропагандой, распространением нелегальной литературы, устройством конспиративных квартир. Вместе с тем часто бывала на заводах и фабриках, пользовалась большим авторитетом среди социал-демократов. Когда пермские большевики избрали Клавдию Новгородцеву делегатом на IV съезд партии, это было радостью для обоих супругов.

Назад „Ольга" вернулась с яркими, незабываемыми впечатлениями. Первым о них узнал, конечно, муж. Он же дал ряд ценных советов, как лучше донести решения съезда до сведения широкой массы революционно настроенных рабочих. Сообщил местные новости, которых Клавдия Тимофеевна еще не знала: есть теперь у Пермского комитета своя типография, налажен выпуск листовок, прокламаций. Новый размах получила военно-боевая работа...

Между тем судьба готовила им суровое испытание. 10 июня 1906 года Свердлов и Новгородцева были арестованы. При Якове Михайловиче имелись документы студента императорского лесного института Льва Сергеевича Герца. Под этим именем он и числился среди заключенных, пока не счел нужным раскрыться. „Не унывать!" — вот команда, которую давал сам себе профессиональный революционер, когда обстоятельства складывались не в его пользу.

На свободу Яков Михайлович вышел в двадцатых числах сентября 1909 года. А через три месяца снова был взят под стражу. Сослали в Нарымский край, откуда Свердлов бежал. Добрался до Петербурга, с головой ушел в нелегальную работу. И опять арест, обернувшийся очередным поселением в тот же Нарымский край. Свердлов изнывал от вынужденной пассивности, признаваясь: „Безделье утомляет меня больше самой тяжелой работы''. Нашел в себе силы, чтобы распрощаться с Нарымом досрочно. Совершив побег, прибыл в Петербург. Здесь тесно сотрудничал с депутатами-большевиками IV Государственной думы, вел переписку с В. И. Лениным, редактировал газету „Правда''. Все это оборвала новая ссылка — в Туруханский край.

Подошел 1914 год. Свердлов встретил его в селе Монастырском Туруханского края. Среди политических ссыльных играл роль лидера. Об этом знали и местные власти. Стремясь пресечь активную революционную деятельность Якова Михайловича среди единомышленников и местного населения, они решили изолировать его и увезти куда-нибудь подальше.

Вероломный план держался в секрете. 9 февраля 1914 года Свердлову сообщили, что он этапируется в местечко Курейка. На сборы дали пятнадцать минут. Их хватило лишь на то, чтобы подать короткую весточку сестре Сарре: „Теперь пишу на лету лишь пару строк. Меня и Иосифа Джугашвили переводят на 180 верст се-

вернее, на 80 верст севернее Полярного круга".

Вполне возможно, что это было предпринято не случайно. Царская охранка была хорошо осведомлена относительно этих революционных деятелей. И тот и другой в 1912 году после VI (Пражской) Всероссийской партийной конференции были кооптированы в состав Центрального Комитета, введены в Русское бюро ЦК РСДРП. Вот и решили „запрятать" их туда, куда, как говорится, Макар телят не гонял.

В Монастырском общаться им почти не приходилось. Иосиф Джугашвили поддерживал контакты лишь с немногими из политических ссыльных, предпочитал держаться особняком, жил замкнуто. Свердлову не раз рассказывали о высокомерии, амбициозности этого человека. Но он считал такие категорические оценки излишне преувеличенными. Странности в поведении Иосифа Джугашвили объяснял своеобразием характера, считал несущественными, вполне извинительными. Так это виделось со стороны...

В Курейке Свердлов и Джугашвили поселились вместе. Но общая крыша не сблизила их. Компаньон Якова Михайловича своих привычек менять не стал. Заботился исключительно о собственных удобствах, пренебрегал элементарными правилами общежития, постоянно предъявляя эгоистические претензии, суть которых сводилась к одному: это мое — это твое... Сходить лишний раз за водой, нарубить дров — все учитывалось с необычайной мелочностью, возводилось в особую степень важности. Ссора могла возникнуть, скажем,

из-за шапки, если Свердлов оставлял ее на скамейке. Сразу же раздавалось: „Вот же гвоздь, на него и вешай головной убор”. Капризам не было конца. Выражались они нелояльно, в грубой форме. Это тяготило Якова Михайловича. Свое состояние он выразил в письме Л. И. Бессер, посланном 22 марта 1914 года: „Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с кот[орым] мы уже встречались в ссылке другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка”.

В конце концов отношения стали совершенно нетерпимыми. О последствиях Яков Михайлович сообщил той же Л. И. Бессер 27 мая 1914 года: „Со мной тов[арищ]. Но мы слишком хорошо знаем друг друга. Притом же, что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех своих мелочах. Хуже всего, что только со стороны „мелочей жизни” и виден. Нет места для проявления крупных черт”.

Меньше всего это напоминало осуждение. Тут крылось скорее желание понять своеобразие натуры Джугашвили, хоть как-то оправдать ее угловатость, отнюдь не обеляя и не оправдывая себя. Далее в письме говорилось: „С тов[арищем] теперь на разных квартирах, редко и видимся. Но беда не столько все же во внешних условиях, сколько во внутренних. В самом бродят такие силы, кот[орые] не дают сжиться, примириться с окружающими”.

Общительному, компанейскому Свердлову разлад с Джугашвили пережить было нелегко. Ведь как-никак соратники, сто-

ронники единой большевистской политической ориентации, а вот наладить отношения друг с другом не сумели. Очевидно, Свердлов часто возвращался к этой мысли. Поделился ею и с К. Т. Новгородцевой-Свердловой: „Со своим тов[арищем] мы не сошлись „характером" и почти не видимся, не ходим друг к другу. Ко мне никто не ходит, ибо ходить некому. Хорошо и дома одному".

„Хорошо и дома одному" — это обман, рассчитанный на то, чтобы утешить жену. А одиночество угнетало. И видимо, не раз Яков Михайлович корил себя за собственную неуступчивость: можно-де было найти хоть какой-нибудь вариант компромисса. Только зря он переживал, казнился напрасно. История показала истинное лицо Иосифа Джугашвили. Свердлов одним из первых разглядел суть этого человека.

Из Туруханской ссылки Свердлову удалось освободиться только после Февральской революции 1917 года.

Где обосноваться для дальнейшей работы?

Свердлов сделал остановку в Красноярске. Потом посетил „Питер", как называл он город на Неве. А поселился в Екатеринбурге. Урал стал второй родиной, манил к себе. Местные большевики встретили „товарища Андрея" с радостью. Снова зазвучал его могучий бас на заводских митингах, рабочих собраниях. Когда пришлось отправляться в качестве делегата на VII Всероссийскую конференцию РСДРП(б), Яков Михайлович думал, что это не надолго. Но на Урал вернуться не смог...

Заключение

24 апреля 1917 года большой зал дворца Кшесинской в Петрограде заполнили делегаты VII Всероссийской конференции большевиков. Она наметила курс на социалистическую революцию, провозгласила лозунг: „Вся власть Советам!" Был избран Центральный Комитет партии, в состав которого вместе с Лениным вошел и Свердлов.

После Апрельской конференции большевиков Яков Михайлович возглавил Секретариат ЦК РСДРП(б), который вел переписку с местными партийными организациями, рассылал инструкции и директивы Центрального Комитета, занимался учетом кадров, их распределением.

Свердлов постоянно посещал заводы и фабрики, рабочие кварталы Петрограда, выступал на многолюдных митингах, собраниях, отстаивая большевистские позиции в решении насущных задач социалистической революции.

Пришли июльские дни. По приказу Временного правительства отряды юнкеров и офицеров обстреляли мирные демонстрации на Невском, Литейном, Владимирском проспектах, разгромили редакцию и типографию „Правды". Эсеры, меньшевики, возглавившие Советы, предали дело революции. Ленин вынужден был перейти на нелегальное положение.

Анализ июльских событий дало расширенное заседание ЦК совместно с представителями Петроградского комитета, Московского областного бюро, Московских городского и окружного комитетов, Военной организации, в котором участвовал Свердлов. Оно определило меры по усилению подготовки к VI съезду партии, который проходил полулегально с 26 июля по 3 августа. Ленин не мог присутствовать на нем, поскольку скрывался от преследований Временного правительства в Разливе. Но Свердлов наладил с ним четкую, хорошо продуманную оперативную связь. Все основные резолюции, принятые съездом, были ленинскими. В том числе и по организационному отчету ЦК, с которым выступил Яков Михайлович.

Летом в Петроград приехала К. Т. Новгородцева с сыном и дочкой. Для Свердлова это значило много, но семью он видел редко.

Революционные события развивались стремительно. Им уделялось все внимание. Особыми днями в политической биографии Якова Михайловича стали 10 и 16 октября. Именно он председательствовал на исторических заседаниях ЦК партии, принявших решение о вооруженном восстании. Победа зафиксирована в одном из документов, который Свердлов написал 25 октября (7 ноября) 1917 года: „В Петрограде власть в руках Военно-революционного комитета Петроградского Совета. Единодушно восставшие солдаты и рабочие победили без всякого кровопролития".

Секретариат ЦК действовал практически круглосуточно. Помощников у Сверд-

лова насчитывалось человек пять-шесть. Поэтому во многое он вынужден был вникать сам.

А вскоре круг забот стал еще шире. Избранный 27 октября на пост председателя ВЦИКа Л. Б. Каменев использовал свое должностное положение для борьбы с партией. 8 ноября Центральный Комитет партии сам принял решение об отстранении Каменева от обязанностей председателя ВЦИКа. На этот пост по рекомендации Ленина был избран Свердлов, продолжавший возглавлять и Секретариат ЦК РСДРП(б).

В ночь с 6 на 7 января 1918 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял декрет о роспуске Учредительного собрания, которое оказалось контрреволюционным по своему составу и было настроено враждебно к Советской власти. Проект декрета подготовил Ленин. Вел это заседание ВЦИКа Свердлов. Важнейшие документы, ставшие известными всему миру, подписывались ими обычно совместно.

6—8 марта 1918 года состоялся VII экстренный съезд партии. Я. М. Свердлов решительно выступил на нем за прекращение войны с Германией, без колебаний поддержал ленинскую резолюцию о ратификации Брестского договора. Компромисс с военным противником — пусть тяжелый, унизительный для Советской страны — найти удалось. Это был явный выигрыш — выигрыш в пользу мирной передышки. Но общая обстановка оставалась напряженной. Вот почему сразу же после окончания VII съезда партии Советское

правительство переехало из Петрограда в Москву. Яков Михайлович решил, что Совнарком и ВЦИК следует разместить в здании Судебных установлений Кремля. На его территории удалось подобрать квартиры для Ленина, других членов правительства. Здесь поселилась и семья Свердлова. К. Т. Новгородцева вспоминает: „Яков Михайлович постоянно бывал у Владимира Ильича не только в кабинете, но и дома. Их отношения становились все ближе и ближе".

Вскоре возникла необходимость обобщить накопленный опыт государственного строительства. 1 апреля 1918 года Я. М. Свердлов избирается ВЦИК председателем комиссии по выработке Конституции РСФСР. Он был убежден, что, с одной стороны, Основной Закон должен официально закрепить все завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, с другой — обеспечить предпосылки для дальнейшего развития демократизма, создания условий, которые позволили бы трудящимся активно управлять страной. С этих позиций и взялся за выполнение ответственного поручения. Уже через неделю, 8 апреля, выступил на заседании ВЦИКа с речью о национальном флаге Российской Федерации. Каким ему быть? Таким, отметил Яков Михайлович, „с которым мы шли на борьбу с самодержавием и с буржуазией", „ни один революционер не станет возражать против того, что красный флаг... останется национальным флагом"[1].

---

[1] *Свердлов Я. М.* Избранные произведения. М., 1959. Т. 2. С. 188.

Проект Конституции РСФСР предстояло обсудить V Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Но этому решили помешать левые эсеры, поднявшие контрреволюционный мятеж. Совнарком и ВЦИК предприняли решительные меры для его подавления. Каждая из них продумывалась Лениным, Свердловым. Через два дня вражеская вылазка была подавлена. Съезд продолжил свою работу. Проект Конституции РСФСР получил единодушную поддержку, вступив в силу как Основной Закон.

Между тем силы, враждебные новому общественному строю, не унимались. 30 августа 1918 года было совершено злодейское покушение на В. И. Ленина. Через несколько часов было принято воззвание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, адресованное всем Советам рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем. Оно заканчивалось словами: „Спокойствие и организация! Все должны стойко оставаться на своих постах! Теснее ряды!"

Яков Михайлович приходил тогда ежедневно часа на два-три в Совнарком и работал в кабинете Владимира Ильича. Свердлов был единственным человеком, который, хотя и короткий срок, работал в кабинете Ленина. Никогда ранее, до ранения Владимира Ильича, никогда потом, даже во время длительной болезни Ленина в последние годы его жизни, никто другой в кабинете Владимира Ильича не работал.

В марте 1919 года Я. М. Свердлов приехал в Харьков, где проходил III съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. Речь его произвела огромное впечатление на делегатов. О необходимости тесной связи двух братских республик — Советской России и Советской Украины Яков Михайлович говорил и перед участниками III Всеукраинского съезда Советов. На обратном пути в Москву Председатель ВЦИКа останавливался в Белгороде, Курске, Орле, Туле, Серпухове, встречался с партийным и советским активом, много выступал. А чувствовал себя скверно. Врачи, к которым пришлось обратиться, поставили диагноз: „Испанка!..” Так называли в то время одну из разновидностей вирусного гриппа. Для изношенного организма испытание оказалось непосильным. 16 марта 1919 года Я. М. Свердлов скончался.

Владимир Ильич тяжело переживал эту утрату. Сопровождавшая Председателя ВЦИКа в командировке на Украину П. С. Виноградская свидетельствует: „После похорон Свердлова по просьбе Надежды Константиновны (Крупской. — *В. П.*) я пришла рассказать Ленину о последних днях Свердлова, проведенных в поездке. Ленин с волнением выслушал мой рассказ и со вздохом, не глядя ни на кого, проговорил:

— У меня такое ощущение, будто я лишился правой руки...”

Думается, это высшая из оценок. В основе ее — вся жизнь Я. М. Свердлова, жизнь, иной час которой шел за год.

Виктор Алексеевич Панкратов

ЯКОВ СВЕРДЛОВ

Заведующий редакцией *В. Е. Вучетич*
Редактор *Т. Е. Яковлева*
Младший редактор *Н. М. Жилина*
Художник *Т. С. Шаляпина*
Художественный редактор *П. В. Меркулов*
Технический редактор *Т. Н. Хилькевич*

ИБ № 5948

Сдано в набор 12.05.89. Подписано в печать 12.07.89. А 00066. Формат 70×90$^{1}/_{32}$. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура „Сенчури". Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,44. Усл. кр.-отт. 13,31. Уч.-изд. л. 6,48. Тираж 200 000 (1–100 000) экз. Заказ № 4917. Цена 40 коп.

Текст набран в издательстве на наборно-печатающих автоматах.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства „Горьковская правда". 603006, г. Горький, ул. Фигнер, 32.

Секретно.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Господину Начальнику Нижегородской губерніи

[illegible]

26/v

НИЖЕГОРОДСКАГО ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА

РАПОРТЪ.

Вслѣдствіе предложенія отъ 8 сего Мая за № 1564, имѣю честь донести ВАШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ, что состоящій подъ гласнымъ надзоромъ полиціи въ г. Н.-Новгородѣ мѣщанинъ Яковъ Мовьсвъ Свердловъ ведетъ самыя дѣятельныя сношенія со всѣми поднадзорными лицами; онъ опасный пропагандистъ-революціонеръ, всюду вращается въ средѣ политически-неблагонадежныхъ лицъ и состоитъ членомъ вреднаго въ политическомъ отношеніи кружка; по негласно собраннымъ свѣдѣніямъ, онъ руководитъ дѣломъ разбрасыванія прокламацій, вообще, судя по наблюденіямъ и негласнымъ свѣдѣніямъ, Яковъ Свердловъ самаго вреднаго направленія человѣкъ.

И. . Полиційжейстера,

Ротмистръ [signature]

№ 474.

"21" Мая 1904 года.

Мая № 1790 Полиц[illegible] [illegible] Свердлова [illegible]
[illegible] отношения

40 коп.

Когда им было 20

В серии „Когда им было двадцать"
вышли из печати и готовятся к изданию
следующие книги:

В. Башков
Иван Земнухов

Л. Большаков
Александр Фадеев

П. Кодочигов
Марта Лаубе

Н. Павлов
Герой двух народов: Карло Шабанский

Л. Пинчук
Аркадий Иванов

А. Черненко
Владимир Правик

Д. Шпаро, А. Шумилов
Александр Кучин

Политиздат